

Владислав Зритнев

МЫСЛИ В СТИХАХ
И ПРОЗЕ

16+

Владислав Зритнев

Мысли в стихах и прозе

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42021691

SelfPub; 2023

ISBN 978-5-532-10615-4

Аннотация

Человек и мечта, романтический герой и идеальный мир, яркие образы мировой и российской истории, ожившие мифы, необратимость бега времени и поиски самого себя – таковы основные темы философских притч и стихотворений в этом сборнике.

Содержание

Путь единорога	7
История странных снов, или герцог Бушур	15
Цикл рассказов «Донжон»	27
Платок синей леди	27
Коробочка с джинами	33
Бацинет, украшенный перьями	37
Тайна расколотой ивы	39
Цикл притч «Калейдоскоп мудрости»	45
Сказка о Святом короле	45
Сказка о розовом кусте	50
Сказка о слоне и отшельнике	51
Сказка о том, что нужно, чтобы стать королем	52
Сказка о бедном плотнике или о том, как одолеть врагов, не пролив ни капли крови	56
Сказка о великом властителе	58
Сказка о Живой Душе	61
Сказка о царском зверинце	64
Сказка о маленькой девочке	65
Сказка о соловье	67
Цикл рассказов «Зарисовки из жизни кота в России»	72
Кот и масленица	72
Кот и сорока	76

Кот и Павлин	79
Кот и война	81
Кот и мышь	83
Эпилог, или Не расстраивайся, пушистый кот!	87
Литературные миниатюры	89
Готическая гостиная	89
Маленькие победы	91
Закон горизонта	93
Относительность	95
Истинный мир	96
Меланхоличная сентенция	97
Рыцарский клуб, или Десятый герой	98
Ночной часовой (художественное размышление)	99
Святая земля (рассказ крестоносца)	104
Цикл стихотворений «Путь крестоносцев»	112
Прошлое	112
Крестоносец	113
В раскалённых песках Палестины	114
Воспоминания крестоносца о Родине	116
Баллада о благородном рыцаре	117
Завершение крестовых походов	119
Воспоминание о крестовом походе	120
Цикл стихотворений «Без претензий на достоверность»	121
Странник	121
Мираж	122

Сны государя	124
Как жаль, что исчезли драконы	126
Герои века замков и знамен	127
Цикл стихотворений «Лента времени»	129
О России	129
Память веков	130
Откуда пошла Русская земля	132
Размышления летописца	134
Былина	135
Поучения Владимира Мономаха	138
Последний рыцарь	140
Слово о полку Игореве	141
Цикл стихотворений «Осколки вечности»	146
Цикл стихотворений «Последняя классика»	152
Заповедье	152
Сон на Троицу	154
Понтий Пилат	156
Цикл стихотворений «Отражения иллюзий»	157
Бесконечность	158
Поезда	160
Назидательная история о человеке	161
Где-то грустно звучит фортепьяно...	163
Время	164
Цикл стихотворений «Памяти Омара Хайяма»	165
Цикл стихотворений «Преданная победа»	167
Битва за Галицию	167

На Карпатах	169
Брусилловский прорыв	170
Босфор-Стамбул	171
Брестское предательство	172
Цикл стихотворений «Кровавый Октябрь»	174
Внезапно	174
Белогвардейский романс	176
Солдат Колчаковской Сибири	178
Возвращение Империи	180
Лампадка	182
Крестоносцы распятой России	188
Фауст	191

Владислав Зритнев

Мысли в стихах и прозе

Путь единорога

Бесцельно скитаясь и следуя лишь за временем, однажды в сумерках уходящего дня, когда солнце садилось за горизонт, я вышел на проложенную в мировой истории и потерянную в мировой пустыне дорогу, идущую неизвестно откуда и ведущую неведомо куда. В этом не было ничего необычного, я видел много дорог. Но по ней, сквозь сгущающиеся сумерки, рассеивая мрак белым светом, стремительно мчался единорог.

Я никак не ожидал встретить его. Мне казалось, что местом их обитания могут быть только старые сказки да полузабытые мифы. Но я воочию видел его, и с каждой секундой единорог приближался ко мне. Его копыта ударяли беззвучно, а может быть, просто не касались земли, и удивительный зверь бежал легко и бесшумно, обгоняя время и опережая мечты.

Единорог не сразу заметил меня. Как я узнал впоследствии, он много столетий провёл в одиночестве в диком лесу, бродя под сенью древних дубов, растущих у холодных и чистых ручьёв. Давным-давно его лес был бескрайним. День

за днём и год за годом он странствовал по своим владениям, наслаждаясь первозданной гармонией и красотой. Но рядом существовал более молодой мир – мир людей, и волей-неволей ему пришлось стать его частью. Действительность изменялась, и он не смирился с этим. Единорог утратил покой и вынужден был бежать. Вероятно, он отправился в сады Эдема.

Так мы и повстречались, на пустынной дороге в сумерках гаснущего дня. Желая прикоснуться к легенде, я окликнул его. Единорог замедлил бег и взглянул на меня. В моём сознании раздался сильный и мягкий голос, повторяющийся многократным эхом.

– Ты что-то ищешь на этой дороге, не правда ли, Странник?

– Да, но я не знаю, что именно, – скромно ответил я.

– Никто не знает, – снова раздался голос, – но это не мешает искать, не так ли?

– Может быть, – согласился я, – но это утяжеляет поиски...

– Да, возможно... И возможно, что поиски тщетны... Но это твоя судьба. Взгляни на свои часы. Видишь секундную стрелку? Не зная покоя, движется она каждое мгновение, даже когда никто не смотрит на неё. И выбора у неё нет. Она бежит за временем и от него, но на самом деле вместе с ним, стремится куда-то вдаль, но движется только по кругу. И движения её приводят лишь к тихому шуму, на пер-

вый взгляд бессмысленному, но этот шум и это движение и есть жизнь. Роль её для тебя минимальна – тебя интересуют категории более значительные – часы и минуты. Меж тем, великое движется малым. Вы, люди, похожи на секундные стрелки. *Воистину тяжела участь тех, чей удел время.*

– Но и ты ведь подвластен времени... – промолвил я.

– Нет, – сказал он. – *Время существует лишь вместе с материей, над идеей оно не властно.*

– Куда ты направляешься? – спросил его я.

– В края, неподвластные печалям этого мира. Если хочешь, следуй за мной, я укажу тебе путь. Но имей в виду, ждать тебя я не стану, я спешу и побегу очень быстро.

И он побежал... Изо всех сил старался я не отстать, но никогда человеку не угнаться за вечным... Единорог бежал всё быстрее и вскоре скрылся вдали.

Я совсем выбился из сил и остановился, чтобы перевести дух. Быстро темнело, вокруг меня сгущался мрак. Я снова остался один на дороге и, отдышавшись, медленно побрел в ту сторону, куда умчался единорог.

С тех пор я пытался догнать его. В каждой деревеньке и каждом хуторе, которые иногда встречались мне возле этой бесконечной дороги, я спрашивал жителей, не знают ли они что-нибудь о единороге. Но везде люди лишь разводили руками. И мне казалось, что им и неведом предмет, о котором я говорю. В маленьких лавочках, где торгуют всякими безделушками, мне предлагали на выбор, изготовленные из дере-

ва, стекла или камня, какие угодно фигурки сказочных зверей, но только не единорогов. Их не делали ни из каких материалов, их забыли напрочь.

Шло время. Края, неподвластные печалям этого мира, куда он обещал указать путь, манили меня все сильнее. Разочарованный странник, я ни за что не держался в жизни и так хотел отыскать потерянный рай. Я шел по дороге в том направлении, где скрылся единорог, надеясь, что когда-нибудь догоню его. Так я повстречался с Садовником.

Однажды утром я увидел чуть в стороне от дороги ухоженные уголья и стоящий на пологом холме красивый дом с золоченым флюгером на крыше. Усадьба была настолько красива, что я, заинтересовавшись, направился к ней. Подойдя ближе, я увидел человека, работающего в саду. Он сосредоточенно и старательно выпалывал сорняки на ярких цветочных клумбах.

– Добрый день! – поприветствовал его я.

– И вам того же... – ответил он.

– С дороги я увидел вашу усадьбу, – сказал я, – и не мог не восхититься её изумительной красотой и безупречным порядком.

– Я трачу на это все время, – с гордостью сказал Садовник, – в этом моя жизнь. Здесь от горизонта до горизонта я создал свой собственный маленький мир, и все, что видно с этого холма, я содержу в идеальном порядке в том виде, как нравится мне. Я никогда не покидаю этой возвышенности,

ведь стоит отойти на пару сотен шагов – горизонт сдвинется и мир перестанет быть совершенным, а сделать совершенным все мне, увы, не под силу...

– А я всегда в движении, – сказал я, – и мои горизонты движутся вместе со мной, как и весь мой мир, и везде я чужой и свой... Я Странник...

– Куда ты направляешься, Странник? – спросил он.

– Я следую за мечтой... – ответил я.

Он промолчал. Тогда я спросил:

– Скажи, ты знаешь что-нибудь о единорогах?

– Конечно, – ответил Садовник, – я слышал много легенд о них. У меня и книга есть... Хотя сперва были легенды, книга появилась потом... *Но я больше занят земными делами. Я возделываю свой сад и поддерживаю очаг в своём доме. Человеку это лучше подходит...*

– Возможно, – согласился я, – но, может, тебе просто не с чем сравнивать, ведь дом – это не то место, где ты живешь, а то, куда ты возвращаешься или, может быть, хочешь вернуться?

– Отчасти ты прав, но что толку вечно гоняться за мечтой? – кажется, он удивился моей непонятливости. – Ты ценишь идею, а я материю. *Мечта идеальна и находится вне материи, следовательно, материально воплощена быть не может, поэтому недостижима. А о достижимом мечтать смешно и пошло, да и незачем.*

– Это так, – сказал я, – и, возможно, настоящая мечта и

вправду недостижима, но *кроме цели есть ещё и путь*. Я думаю, что мир был создан движением от идеи к материи. И для того, чтобы понять его, нужно двигаться в обратном порядке – от материи к идее, от вещей к символам, от действий к мыслям.

– Я постигаю мир по-своему, – сказал он, – и не вижу нужды что-то в этом менять.

– Ты плывешь по течению? – уточнил я.

– Не по течению и не против него, я просто стою на берегу и смотрю на воду, – он помолчал и вновь продолжил. – Я понимаю, что ты хочешь сказать, Странник, но для меня это чужая вера. Ведь для того, чтобы следовать за единорогом, пришлось бы оставить свой сад...

– И ты бы этого не хотел...

– Конечно, нет. По крайней мере, не навсегда. Впрочем, я могу немного пройти с тобой. Просто ради эксперимента...

И мы продолжили путь вдвоем. Несколько недель или месяцев, а может быть лет, мы шли по этой дороге, в направлении, которое указал мне когда-то единорог, *пока однажды утром не увидели чуть в стороне от дороги ухоженный уголок и стоящий на пологом холме красивый дом с золоченым флюгером на крыше*.

– Ну, вот и завершен мой путь, – сказал Садовник, – моя дорога привела меня домой.

– Ты знал, что так будет? – растерянно спросил я.

– Я был почти уверен в этом, – промолвил он, – у каждого

своя судьба. Единороги никуда не приводят, по крайней мере меня... Я не могу оставить свой сад... *Продолжай путь, а я останусь, ибо здесь мой Грааль.*

– По-своему ты прав... – сказал я. – Чтоб следовать за единорогом, действительно нужно покинуть свой сад. *И возможно единороги никуда не приводят, но дают возможность идти...*

Мы распрощались, и я продолжил свой путь один.

Я шел, и со мной шло время. Я давно уже был в пути, и неизвестно, сколько ещё мне предстояло пройти, прежде чем я увижу те волшебные края, о которых говорил мне единорог. Однажды на обочине я увидел неприметный камень, на котором было начертано: «Здесь покоится тот, кто следовал за единорогом, но у кого не хватило времени одолеть этот путь». С тех пор я стал думать, что могу не успеть. Меня тревожил бег времени. Единороги бессмертны и могут позволить себе сколь угодно длительное путешествие, но я – человек и, следуя за бессмертным, могу и сам не заметить, как перейду черту своей жизни, но так и не догоню его.

«Наверно, это и вправду судьба, – размышлял я, – кто-то растит свой сад, а кто-то, как я, следует за мечтой, желая прикоснуться к легенде, но не каждому удастся пройти этот путь... Но ведь и сад может засохнуть...»

«...Это старая-старая сказка, – думал я. – Трое вышли из дома на широкую дорогу, и им повстречался единорог, спешащий по ней в края, неподвластные печалям этого мира.

Сказочный зверь скрылся вдаль, а трое отправились вслед за ним. Спустя какое-то время одного из них дорога вернула домой, другому не хватило времени, и его жизнь кончилась раньше, чем путь. А третий...» Третьим был я...

Всегда наступает момент, после которого продолжать не имеет смысла.

Внезапно дорога кончилась развилкой, разделившись на две. Я был потрясен. В смятении я пытался обнаружить в пыли его след... Но единороги не оставляют следов. Я не знаю, сколько я простоял на том перекрестке, переполняемый отчаянием, а потом махнул рукой и продолжил свой путь... Я шел наугад, но теперь знал об этом.

...И каждый из нас стремится в этот манящий удивительный мир – мир воплощенных желаний и сбывшихся надежд. И ты не враг мне, и я не друг тебе, мы лишь случайные попутчики и, к сожалению, возможно, идем не той дорогой...

2012 г.

История странных снов, или герцог Бушур

До чего холодное Рождество выдалось той зимой, снежной и ветреной, засыпавшей маленький городок сугробами по самые крыши, навалившей холодные белые горы на узких улицах. Так что добропорядочные горожане каждое утро вынуждены были откапывать свои двери, чтобы все же добраться до булочника, выпекавшего душистую сдобу с корицей, а на обратном пути купить к завтраку молока, да не забыть заглянуть в бакалейную лавочку, куда из Индии уже которую неделю должен был прибыть какой-то совершенно особый чай...

Жизнь в этом благополучном, сонном и счастливом городе текла от пробуждения к завтраку, от завтрака к обеду и вечернему чаю, к ужину и к спокойному крепкому сну, в котором никогда не являлись кошмары. Дни и месяцы тихо проходили между визитами в гости и в мастерскую портного, самодеятельным провинциальным театром, булочной и той самой, как-то связанной с далекой загадочной Индией, маленькой бакалеей...

Лавочка находилась на перекрестке двух старых улиц, где под большими каштанами был когда-то фонтан. Это место очень любили городские шарманщики и бродячие коты, со-

бравшиеся здесь для своих темных дел, которых ни одно живое существо на свете до конца никогда не узнает. Здесь сонный дух маленького городка почему-то неуловимо преобразался, и веяло чем-то иным – далеким и необъяснимым, отчего бездомные коты взволнованно расширяли ноздри и, втягивая воздух, подозрительно и сладко принюхивались. Возможно, всему виной была Индия (та самая Индия, из которой сюда якобы иногда приходили товары), а может пахучие специи...

Про Индию никто в городе ничего толком не знал. Говорили, что это страна тысячи чудес, что она далеко, что там самоцветы и женщины, искушенные в тайнах любви, что пряности оттуда приходят на прекрасных белых парусниках, и что вроде бы там живут слоны. Возможно, именно поэтому слон был изображен на стене бакалеи. Большой, тщательно прорисованный безымянным художником, слон с желто-белыми бивнями и мудрыми глазами. А еще говорили, что никакой Индии попросту нет, да и быть не может. Но некоторые простаки верили. Верили и коты...

Здесь в бакалейной лавке работала продавщицей Рогнеда. И, к сожалению, точно знала, что Индии нет. Нет и слонов, ведь товары в лавочку на самом деле привозились из соседнего города, такого же сонного, только чуть побольше. Но об этом надо было молчать, ведь ни один дурак не купил бы тмин или кардамон по такой цене, если бы не красивая сказка, окружавшая их. Люди сомневались, но все же очаровыва-

вались, а ей не чем было очароваться. Нет ни Индии, ни слов. А в семнадцать лет так хотелось, чтобы были.

Но Рогнеде уже исполнилось восемнадцать, а потому с глупыми и наивными мечтами надо было прощаться и считать выручку, исправно поступавшую каждый день, и все же... Как глупо и безнадежно заблуждались коты... И как несчастна была Рогнеда в этом уютном и пустом городке. И лишь однажды жизнь предоставила странный случай...

На другой день после Рождества, когда метель бушевала особенно сильно, около полудня, четко отмеченного кукушкой в часах, на двери бакалеи мелодично зазвенел колокольчик. И в следующее мгновение, впустив за собой в теплое помещение белые вихри, кружащие кристаллы легких колючих снежинок, в лавочку ввалился пушистый шарик, потирающий ручки и вздрагивающий от холода. Это был герцог Александр Бушур.

Невысокого роста, в шарообразной меховой шубе, сливающейся с ней шапке, меховых рукавицах и мрачном шерстяном шарфе он напоминал какое-то неведомое существо не то идущее, не то с гордым достоинством катящееся. Маленький, круглолицый и плотный, с гордой благородной осанкой и надменным чуть грустным взглядом, весь в пушистых мехах, он представлял нечто среднее между барашком и львом. Странное и забавное сочетание. Возможно, поэтому Рогнеда улыбнулась увидев его.

Бушуру было сорок лет, он действительно имел герцог-

ский титул, доставшийся ему от предков вместе с китайским сервизом и серебряными ложками. Герцог не был беден и не был богат, не был стар и не был молод, некогда не был женат и не имел родни. Он считал, что неизлечимо болен, но не мог понять чем, думал, что умирает, но никому этого не говорил, да и сказать ему, если честно было некому. И так он умирал уже около десяти лет. Александр Бушур жил в старом особняке в центральной части города, где весной красиво зацветали сады над рекой, сейчас покрытой звенящим льдом (по которому особо отчаянные горожане отваживались рассекать на коньках), а гулять любил везде. И это было единственное, что он любил.

– Добрый день – мягко поприветствовала его девушка, надеясь, что Бушур, что-нибудь купит.

– Здравствуйте, Рогнеда, – произнес герцог, ища взглядом, где бы присесть, – нынче такой мороз, что я, долго колебался, прежде чем вышел из дома...

– Ну, правильно сделали, что вышли, – сказала Рогнеда, – от мороза ничего плохого не сделается, даже полезно... А дома скучно сидеть.

Она взглядом указала на мягкий пуфик, и герцог с радостью последовал этому безмолвному совету. Она имела над ним власть, потому что всегда угадывала его простые желания. Рядом стоял маленький столик, где на изящной горелке подогревался фарфоровый заварочный чайник, и, судя по запаху, чай в нем был с мятой и чабрецом.

– Выпейте чаю с мороза, – еще мягче сказала Рогнеда, пододвигая к нему белую чашку, и рядом тотчас же неизвестно откуда появилась тарелочка с сухофруктами, цукатами и еще какими-то восточными сладостями. Женской магией Рогнеда владела неплохо. И вновь Бушур с удовольствием подчинился и, зачерпнув орешков с цукатами, смотрел, как Рогнеда тонкой струйкой через серебряное ситечко наливает в чашку темно-золотой чай.

– Сегодня вкусный – произнес герцог, отпив глоток.

– А что же, прошлый раз был не вкусный, вы хотите сказать?! – лукаво усмехнулась Рогнеда, приподняв тонкие брови.

Бушур не нашелся, что ответить и уткнулся в чашку.

– Чай всегда вкусный, – наконец сказал он.

– Ну, слава Богу, что вы это признаете, – торжествующе блеснув глазами, сказала девушка, – что желаете сегодня приобрести? – она указала рукой на прилавок с приправами и специями. – Только для Вас...

– Я даже не знаю... – задумчиво промолвил герцог.

– Ну, что-нибудь обязательно нужно, – еще ласковей проворковала Рогнеда, подливая горячий чай, – если ничего не купите, самому потом будет обидно, что зря пришли...

– Ну, если так, заверните что-нибудь на Ваш выбор...

– Что ж, господин герцог, Вам, думаю понадобится это, вот это, вон то, – перебирала Рогнеда, – можно еще это, это вот просто так, и еще кое-что специально для вас... Всего

полтинник.

Она ловко упаковала свертки и карандашом на бумажке подвела стоимость.

– Я всегда так приятно провожу у вас время, что мне все равно, сколько потратить и что купить, – проговорил Бушур, принимая сверток. – Ах, да, чуть не забыл, я же затем и пришел... Что тот совершенно особый чай, что должен был прибыть еще в прошлом месяце?

– Пока нету, – сказала Рогнеда, – но скоро будет.

Дверь за Бушуром тихо закрылась, и продавщица осталась одна. А герцог вновь вышел на пронзительную метель и, подняв воротник, зашагал через мчащийся ледяной воздух к своему старинному особняку. Чем так манила его эта лавочка, и почему там забывал он, что умирает? Может быть дело в Рогнеде? Так просто и верно... А что же еще?

Ворочаясь под одеялом, герцог пытался уснуть. Тяжелые мысли кружились в сознании и постепенно, по мере того как Бушур погружался в дрему, из них начали возникать сны. Картинки замелькали перед его внутренним взором, становясь все четче и наконец, обрели завершенность и смысл.

...Где-то на утесах над холодным свинцовым морем возвышались башни старинного замка, окруженного яблонями. Бесконечная и безжизненная водная гладь уходила за горизонт, о подножия серых скал с тихим шипением разбивались набегавшие волны. Ни единой живой души не было на тысячи верст вокруг – ни животных, ни птиц. Лишь одиночество

да вольные ветры приминали изумрудную траву и сбивали на землю спелые яблоки, играли со знаменами на шпильях.

Замок был огромен и пуст. Внутри были широкие длинные коридоры, просторные лестницы и высокие потолки, гулкое эхо, а также множество гербов и доспехов вдоль стен.

В этом замке испокон веков обитало удивительное существо – не то меховой, не то пуховый шар на двух львиных лапах. У него был хвост с кисточкой как у льва, большие глаза и маленькая золотая корона. Целыми днями носилось оно по гулким коридорам дворца и ухало как филин: «Бу-шур! Бу-шур!». И еще оно ело яблоки и чего-то невероятно хотело... Вот только чего?

Эта мысль вдруг обрела пронзительный зуд в сознании, будто в ней крылся весь смысл бытия, и ответ, казалось, вертелся рядом, но в последний момент ускользал...

На этом месте Рогнеда проснулась. «Боже мой! Какой странный сон, – вымолвила она, – и к чему бы это? И чего мог так страстно хотеть этот шарик на львиных лапах?»

За окном бушевала метель. Холодное белое утро поднималось над городом. Вздрагивая спросонья, и пытаясь попасть босыми ступнями в мягкие тапки, Рогнеда поднялась с постели. Сбросив тонкую ночную рубашку, она нехотя оделась, взяла со стола печенье и, рассеяно откусив кусочек, вновь стала смотреть в окно.

«Вот так и все в жизни, – грустно подумала девушка, глядя как падают снежные хлопья, – все засыпет метель. И ведь

не жалко – вот, что обидней всего».

Накинув тулупчик, она отправилась в бакалею. Пряный запах диковинных специй, ровные стеллажи с товарами и добротный каштановый прилавок чуть-чуть улучшили ей настроение, и Рогнеда даже смогла улыбнуться одной старушке, купившей в то утро один английский фунт молотого красного перца и два русских фунта крепких кедровых орехов. Но в глубине подсознания все равно оставалась гнетущая тоска, и почему-то периодически вспоминался ей сегодняшний странный сон, и словно искорка вспыхивала мысль-вопрос – чего так хотел этот меховой шар? И ей почему-то казалось, что это было как-то связано с ней... Только как? На этом месте она совершенно путалась, не зная что предположить...

Но Рогнеда была практичной девушкой, а потому старалась об этом не думать. За окном завывала метель, застывшая вода и обледенелые фонари на засыпанной снегом белой улице заставляли радоваться хотя бы тому, что в такую погоду не мерзнешь на холоде. И Рогнеда радовалась, хотя и не искренне.

Ближе к полудню вновь пришел герцог Бушур. Он как-то неловко переминался с ноги на ногу, и вообще в этот день казался немного смущенным. Увидев его, Рогнеде вновь стало весело. Бушур отряхивал с шубы снежинки и словно не решался что-то сказать, а на лице его играл румянец то ли от мороза, то ли от чего-то еще.

– Здравствуйте, Рогнеда, – наконец вымолвил он, – я... пришел спросить про тот чай...

При этих словах в глазах герцога промелькнула досада, словно не это хотел он сказать, и вопрос про чай вырвался против воли, вместо чего-то важного, что не было произнесено.

– Чаю нет, – ответила девушка и выжидающе посмотрела на герцога, ожидая, что он скажет еще.

Но Бушур молчал. Секунда, казалось, была бесконечной.

– Я найду завтра, – проговорил герцог и торопливо вышел из лавочки.

Как завывала метель в этот день! Если и было еще что-то в том городе, что не было заморожено – оно замерзло. Крупные хлопья снега плотной стеной падали из серого неба и подхватываемые ветром забивали все щели, чтобы ни что не смогло ускользнуть от стужи.

Вечером бакалея закрылась. Белые улицы окутала черная ночь. Быстро-быстро Рогнеда бежала домой, чтобы напиться горячего шоколада и укутавшись самым теплым из всех одеял, заснуть так крепко, как спится только в глухие морозные зимы.

...И вновь ей приснился замок герцога Бушура над свинцовым безжизненным океаном. Здесь все было неизменно – серые утесы и не единой души. И странный хозяин замка вновь носился по пустым коридорам своей резиденции. И невысказанное желание этого существа опять наполняло

собой весь сон, но в последний момент ускользало от понимания. И теперь ей казалось, что неясное это желание было не только как-то связано с ней, но и самой ей хотелось того же, что и этому шару на львиных лапах. Вот только чего? И как странно... И желание это томило ее, и не находило ответа, и было так жарко... Как хотелось понять Рогнеде, что это было...

Проснувшись, она все не могла отделаться от размышлений про диковинный замок. И чтобы скрыться от этих назойливых мыслей торопливо оделась и, раньше обычного, убежала в бакалею. Но привычный и такой надежный прилавок, и порядок на стеллажах сегодня не оказали на нее того успокаивающего воздействия, как накануне. Она то и дело поглядывала на часы, сама не понимая, чего ожидает.

К полудню должен был, как обычно, прийти герцог Бушур. Неужели она ждала его? И тот самый «индийский чай» наконец был доставлен из соседнего городка. Но Бушур не пришел.

Рогнеда решила, что не придает этому значения. Но герцога не было и на следующий день.

Бушур заболел. И лежал в своем старом и мрачном особняке один среди перин и подушек покинутый и забытый. Теперь он был уверен, что это конец. По всей видимости, надежды на выздоровление не было. Как глупо и бессмысленно промелькнула жизнь... Он устало закрыл глаза и провалился в сон...

...Огромный замок довлел над морем. С запада ветры пригнали грозу, и вдалеке молнии били в воду. В пустых коридорах было тихо и холодно. Меховой шар в короне, в очередной раз проносясь по коридорам дворца, на мгновение замер и с отчаянием ухнул всего дин раз: «Бу-шур!». Звук потонул в пустоте.

– Я поняла! – проснувшись воскликнула Рогнеда. – Существо хочет, чтобы *его погладили!*

Она вскочила с постели, и на ходу запахивая тулупчик, побежала по насквозь промерзшим улицам зимнего городка. В бакалее, провозившись несколько минут с обледеневшим замком на входе, она взяла сверточек того самого заветного чая и вместе с ним поспешила по скользкой мостовой к старинному особняку.

Дверь в дом герцога была не заперта, и девушка вошла внутрь. Печальный Бушур лежал в гостиной на сафьяновом диване. Увидев Рогнеду, он слабо улыбнулся.

– Не ожидал, что вы навестите меня под конец, – грустно сказал Бушур.

– Я принесла чай, – сказала девушка, – только должна сказать, что на самом деле, он не из Индии, а из соседнего города, но все равно хороший...

– Вы молоды и не опытны, а потому ошибаетесь, – устало сказал Бушур, – на самом деле чай из Индии, как и почти все, что у вас продается. В соседнем городе это попросту не растет. Так что слон в бакалее нарисован не зря. И бродячие

коты были правы... Впрочем, теперь все равно, – печально закончил Бушур, – вы пришли, а я, кажется, ухожу...

– Бросьте, – неожиданно рассмеялась Рогнеда, – у вас всего только насморк и это не страшно...

– Ну и что же? И от насморка можно умереть... – промолвил герцог.

– Вы не умрете, – серьезно сказала девушка.

– Почему это? – удивился Бушур.

– Я вас вылечу.

Это было весомо и сбылось через несколько дней. Вот и конец истории.

«Какой странный сон...» – на непонятном языке подумал, пробуждаясь, меховой и круглый герцог Бушур и снова понесся по бесконечным пустым коридорам дворца... Коты и шарманщики затянули пьяную песню... А еще один герцог со своей спутницей неспеша уходил в метель.

2015 г.

Цикл рассказов «Донжон»

Платок синей леди

Сэр Фредерик был печален. Не помогали ни бургундское вино, ни поросенок, зажаренный до хрустящей корочки, ни собранные на ярмарке забавные сплетни.

В таком состоянии рыцарь находился уже несколько дней. Слуга Патрик не знал, что и думать. На все вопросы, сперва осторожные, а затем и настойчивые хозяин ничего не отвечал. Только уныло наблюдал в окно, как ноябрьский ветер сбивает с ветвей желтые листья.

И вдруг не выдержал. Сдался.

– Я увидел ее на минувшем турнире, – внезапно, словно решившись нарушить обет молчания, признался сэр Фредерик.

«Ага, – быстро смекнул Патрик, – вот в чем дело!»

– На минувшем турнире?

– Да. В четверг. Она находилась среди благородных зрительниц. На ней было синее платье, а в руке – платок.

Сэр Фредерик показал бережно хранимый белый платок.

– А как платок попал к вам?

– О, – рыцарь счастливо улыбнулся, – это удивительная

история! Я как раз выехал на ристалище. Она взглянула на меня. И в этот момент подул ветер. Он вырвал платок из ее руки и понес по воздуху. Я не мог позволить такой реликвии упасть в грязь, изловчился и поймал платок. В латных перчатках это сделать не так уж просто, но я смог.

– А на ристалище вы достойно показали себя перед этой леди? Одолели соперников? – Патрик хотел выяснить все обстоятельства.

– Куда там! – сэр Фредерик, рассмеявшись, махнул рукой. – Я смотрел только на нее, и сэр Квентин легко вышиб меня из седла.

– Она так красива?

– Я запомнил, что – да. Понимаешь, я не могу ее описать... Дело в том, что упав с лошади, я ударился головой и потерял сознание. А когда очнулся, синяя леди уже исчезла. И все что я помню: ее платье и то впечатление, которое она произвела на меня.

– Ну и ну... – сказал Патрик, удивленно приподнимая брови. – Так что же гнетет вас, хозяин?

– Неужели не догадываешься? – сэр Фредерик улыбнулся застенчиво и мягко. – Мне ведь надо вернуть платок.

– Вернуть?

– Да. А я не знаю ни ее имени, ни где она живет.

– Значит, только вернуть платок? – хитро взглянув, переспросил Патрик, с трудом сдерживая смех.

– Вернуть – и только! – повторил рыцарь, бледнея от гне-

ва.

– Ладно, дайте мне несколько часов. Может, смогу как-нибудь помочь...

И Патрик проворно выскочил за дверь, где уже с чистой совестью расхохотался.

Его не было дольше, чем он обещал. Но когда вечером Патрик наконец появился, на его губах играла улыбка.

– Думаю, мне есть что вам сообщить, хозяин. Только сначала давайте твердо определим: вы уверены, что та девушка существовала?

– Что ты хочешь сказать? – опешил сэр Фредерик.

– Только то, что кроме вас ее, похоже, никто не запомнил.

Вы точно знаете, что синяя леди вам не пригрезилась? Вы, кажется, сказали, что потеряли сознание от удара.

– Не мели чепухи! – раздраженно дернул головой рыцарь. – Как может быть, что платок есть, а его владелицы не существовало? – и он вновь показал платок.

– Да, с этим трудно поспорить, – согласился Патрик, признав логику в словах господина. – Примем за истину, что леди была.

– То есть, ты ее не нашел?

– Минутку терпения, сэр! Ее я действительно не нашел. Но дело не безнадежно! Мы с вами давно живем в этом городе и, пожалуй, знаем здесь всех красавиц. Следовательно, то, что эта девушка оказалась для вас незнакомой, означает, что она, скорее всего, неместная, и искать ее нужно сре-

ди приезжих. Я навел справки: за последнюю неделю к нам прибыли только две молодые леди – графиня и баронесса.

– Графиня! – воскликнул сэр Фредерик. – Я уверен, что это она!

– Мне тоже так кажется, – согласился Патрик. – Следующей ночью вы с моей помощью посетите ее. Я стану вашим Мерлином. Проведу вас к ней, как Утера к Игрэйне!

– Как же мы это провернем?

– Все очень просто. Она гостит в замке, где есть черный ход, кроме того, там служит сын моего приятеля. Я дал ему тумака и серебряную монетку. Вместе они действуют лучше, чем по отдельности, поэтому парень на нашей стороне. Завтра в сумерках мы спрячемся в зарослях неподалеку и будем ждать, пока дважды не прокричит болотная птица. Этот сигнал будет значить, что вход открыт и леди одна.

Вечером следующего дня сэр Фредерик и его верный слуга обосновались в овражке за замком. Зарывшись во влажные кучи прелой листвы, они с нетерпением ждали зова болотной птицы. Он прозвучал, когда ночная тьма полностью скрыла башни нового Тинтагеля. И в ту же секунду на первом этаже открылась маленькая дверь, озаренная дрожащей свечой.

Взволнованный сэр Фредерик не помнил, как поднимался по длинной винтовой лестнице, как шел по коридору и как оказался в покоях прекрасной леди. Но очень хорошо запомнил собственный голос, раздавшийся будто со стороны:

– Патрик, это не она!

Женщина, находившаяся в комнате, сначала взглянула на вошедшего с некоторым интересом. Однако, когда до нее дошел смысл сказанных слов, глаза зажглись гневом.

– То, что вы пробрались в мою спальню, я бы еще могла простить! – грудь графини вздымалась от возмущения. – Но то, что вы сделали это по ошибке... Стража!

С трудом Патрику и его хозяину удалось вырваться из замка. Они отбивались всем, что попадалось под руку: стульями, кочергами и даже каким-то тазом. Несколько миль продолжалась погоня, затем преследователи ослабили пыл и отстали.

На следующий день сэр Фредерик и его слуга навсегда уехали из города. Вероятно, рыцарь опасался за свою репутацию, которая после случившегося могла пострадать. Куда они направились, никто не знал.

Сарацины в Святой земле рассказывают, будто среди крестоносцев появился некий рыцарь, закрасивший синим все геральдические фигуры на своем щите. Поговаривают, что мчась в атаку, когда все взывают к Господу или Святому Георгию, он обращается к какой-то загадочной Синей Госпоже.

А следом на коротконогой кобыле, едва поспевая, скачет еще один человек.

– Ничего, хозяин! – приговаривает он. – Ничего! Вот вернемся из Палестины и найдем вашу синюю красавицу.

Неприменно найдем! И корову купим... Эх, заживем!

Коробочка с джинами

Крестоносец Гийом де Плантар с трудом добрался до хижины отшельника. Для этого рыцарю пришлось преодолеть безжизненную пустыню. Лицо Гийома обожгло солнце, сапоги истерлись о колючий песок, а меч затупился во множестве боев с сарацинами. Но теперь опасности остались позади. Путь был пройден.

Старый отшельник, имени которого никто не знал, а все звали его просто – Анахоретом, сидел неподалеку от своей лачуги возле маленького костра. Он сам когда-то был воином Господним, однако давно удалился от мира, полностью посвятив свое время молитвам. Сейчас Анахорет варил постную похлебку, используя вместо котелка выдавший виды шлем.

«Наверное, эта каска помнит еще бои за Акру, – с уважением подумал де Плантар. – Говорят, старик был выдающимся крестоносцем».

Отшельник молча взглянул на пришедшего. Гийом поклонился ему – не только как подвижнику, но и как старшему рыцарю. Анахорет, кажется, догадался, о чем думает гость. Губы старца тронула легкая улыбка.

– Помоги тебе Бог, паладин! – проговорил отшельник. – Что привело тебя к моему убежищу?

– Святой человек! – начал де Плантар. – Никогда я не

осмелился бы побеспокоить твоего уединения, если бы не великая нужда, печальная не только меня одного, но и многих христиан.

– Со времен разгрома при Хаттине не слышал я таких слов! Что за скорбь одолела крестоносное воинство?

– Наш граф Рене де Шерези пал жертвой злой воли!

– Граф Шерези? – Анахорет был прозорлив, но эта новость застала его врасплох. – Неужели? Отравлен? Убит?!

– Хуже! – воскликнул Гийом. – Околдован!

В глазах старика сверкнуло понимание.

– Расскажи-ка мне все!

– Несколько месяцев назад в нашу крепость приехали будто бы купцы из Каира. Они выглядели богато: халаты были вышиты золотыми звездами, головы украшали пышные чалмы, жирные пальцы унизывали тяжелые перстни с алмазами. Некоторые из купцов имели при себе ручных обезьян. Фантастический караван словно вышел из мира сказок! Конечно, все рыцари захотели посмотреть на прибывших. В том числе – и граф.

Купцы говорили велеречиво. Восхищались славой де Шерези, заверяли в дружбе и, в заключение, просили принять подарки. Каждый воин получил от них оружие, шелк и вино. Нашему же графу они преподнесли простую металлическую коробочку. «Пусть ваше сиятельство не смущает ее скромный вид, – проговорил тот из купцов, что казался самым хитрым. – Часто внешнее не соответствует внутренне-

му. Если когда-нибудь вам станет грустно – просто загляните в нее...». С тем караван уехал.

Несколько дней таинственная коробочка пролежала в покоях графа. Казалось, он и забыл про нее. Но внезапно умерла его любимая лошадь. Де Шерези огорчился, загрустил и вдруг вспомнил совет купца.

Граф взял в руки коробочку, и через несколько мгновений глаза его озарились веселием. Все мы – я и другие рыцари – очень обрадовались, потому что любим своего сюзерена и его боль воспринимаем как свою. Но радость оказалась недолгой.

С каждым днем наш предводитель все сильнее впадал в зависимость от странного подарка. Сначала он смотрел в коробочку лишь несколько минут в день. Потом стал прибегать к ней чаще и, наконец, теперь совершенно не выпускает ее из рук.

Идет ли граф по двору крепости, ест, пьет, разговаривает с кем-то – взгляд его всегда устремлен в этот странный футляр. Дошло до того, что недавно, когда мы, объезжая территорию, столкнулись с отрядом сарацин, де Шерези сражался одной рукой, то и дело заглядывая в злосчастную коробочку.

Набравшись храбрости, однажды я сам заглянул в нее через плечо графа. Увиденное потрясло меня. Внутри коробочки духи, которых сарацины называют джиннами, устраивали представления, играли на лютнях, пели песни, показывали фокусы. С трудом удалось мне отвести взгляд.

К счастью, нашелся среди нас мудрый человек. Он и посоветовал обратиться за твоей помощью, святой отшельник.

– Ты хорошо сделал, что разыскал меня, – выслушав гостя, промолвил Анахорет. – Сдается мне, купцы эти были – переодетые ассасины. Чувствую, что не обошлось здесь без злокозненных чар Горных Шейхов. Но твоему графу еще можно помочь. Не будем мешкать. Веди меня, паладин!

– Гляди, гляди, Гийом! – с усмешкой проговорил де Шерези, указывая на движущиеся внутри футляра маленькие фигурки – крестоносца и старика. – Как этот джинн похоже тебя играет! Анахорет, в целом, тоже удался. Забавная пьеса! Интересно, что будет дальше. По сюжету я одурачен. Но одурачили всех мы с тобой!

Два околдованных рыцаря, не отрывая глаз, смотрели в коробочку.

Бацинет, украшенный перьями

У сэра Альберта была привычка: после каждой победы на турнире добавлять к плюмажу на своем шлеме новое перо. Тщательно отполированный бацинет уже украшали темно-синее перо павлина и несколько белоснежных перьев страуса. Они внушительно покачивались, когда рыцарь ехал на лошади или шел пешком.

Поскольку другого занятия в жизни у сэра Альберта не было, то все свое время он путешествовал по стране в поисках рыцарских состязаний. Однажды судьба забросила его в небольшой городок, в котором устраивался турнир.

В этом городе жила леди Грейс. Молодая девушка тоже имела привычку, связанную с птицами. Она часто ходила к покрытому кувшинками и ряской лесному пруду, где подолгу гуляла одна, прикармливая дикого лебедя. Он прилетал только к ней и брал куски хлеба из рук.

На турнире леди Грейс впервые увидела сэра Альберта. Он сражался на ристалище в прекрасном миланском доспехе и легко побеждал соперников. Его шлем даже издали привлекал внимание роскошным плюмажем. Леди была очарована неизвестным рыцарем и чувствовала, что готова влюбиться в него. Однако, когда состязания закончились, сэр Альберт внезапно снял бацинет. Герой оказался не очень молодым, полностью седым и, к тому же, обезображенным

шрамом.

Леди Грейс будто ударили плетью. Внешнее оказалось обманчивым. Красив был только шлем этого рыцаря, но не его лицо.

Утро следующего дня выдалось туманным. Однако несмотря на сырость леди Грейс отправилась к пруду. Ей хотелось проведать своего пернатого друга. У кромки воды она неожиданно увидела человека, прячущегося за кустами. Он целился из арбалета в ее лебедя.

– Нет! Не стреляйте! – успела крикнуть девушка.

– Почему же? – спросил человек, обернувшись, но не опуская оружия. Это оказался сэр Альберт, желающий добыть новое перо. Он был без шлема и ничто не скрывало безобразный шрам.

Грейс воскликнула:

– Потому, что это – мой лебедь!

– Ваш? – рыцарь на секунду задумался. – В таком случае, было бы очень жаль убить эту прекрасную птицу.

Закинув арбалет за спину и ничего более не сказав, сэр Альберт ушел. Лебедь доверчиво подплыл к берегу, ожидая угощения...

Леди Грейс смотрела вслед рыцарю и думала, что дважды ошиблась в нем. Внешнее вновь оказалось обманчивым. Отталкивающе было лишь лицо сэра Альберта, но не его душа.

Тайна расколотой ивы

В замке барона де Лангле справляли праздник. Целый день шумели в парадном зале пиршественные столы. Рыцари, за долгие годы мира привыкшие скакать на пивных бочках, а не на лошадях, щеголяли друг перед другом количеством выпитого и съеденного. Вокруг одного из благородных обжор стояла уже дюжина пустых пивных кружек, другой – сложил настоящую башню из тарелок от пирогов... Возле стен замка угощали крестьян, многие из которых казались толще господ. На земле барона всем жилось весело – даже самому последнему слуге.

Молодой оруженосец Жак, освобожденный в честь праздника от своих обязанностей, с трудом выбрался из хоровода, в котором закружили его нарядные девушки. От вина и пляски ему сделалось дурно – вдогонку юноше полетел звонкий смех. Жак отошел в сторону и присел на траву, чтобы отдышаться.

С холма открывался прекрасный вид на окрестности. Замок окружали богатые уголья: тщательно возделанные поля, щедро плодоносящие сады, леса, расчищенные от сухостоя. Видно было, что барон – добрый рачительный хозяин, и к каждому клочку земли в его имении приложены забота и усердный труд.

Одно лишь место выбивалось из общей картины – стоя-

щая над темным прудом ива, расколота молнией. Люди старались не приближаться к ней. Обитатели замка считали, что там водится чудовище.

Жак никогда не верил в сказки. Однако, как все вокруг, избегал места, имевшего дурную славу. Теперь же оруженосец почувствовал, что оно вызывает в нем интерес. Что, если пойти туда? Тогда все узнают, какой он смелый.

Если бы не выпитое вино, оруженосец вряд ли решился бы на такое. Но несколько кубков, опустошенных на празднике, толкали вперед.

Смеркалось. Зловещая ива возвышалась на другом берегу пруда. Жак остановился возле темной воды, разглядывая ствол, расколотый молнией.

– Дерево как дерево! – наконец пробормотал оруженосец. – И чего все так носятся с этой ивой!? Ладно – крестьяне: они невежественны и глупы. Но барон... Уж он-то должен понимать больше вилланов. А туда же: зло! чудовище! проклятое место! Не мне, конечно, судить сеньора, но, кажется, к старости его разум слабеет... – и тут же, словно испугавшись подуманного, юноша начал возражать себе:

– А, может, наоборот? Может, если барон говорит, значит что-то там есть? Ведь чувствую и я сейчас некий страх. Отчего по коже пробегают мурашки, когда смотрю я на это мрачное дерево? – однако через минуту голос скептика снова взял верх:

– Вечер прохладный – вот и знобит, – ответил себе Жак. –

Наш священник, учивший меня грамоте и латыни, говорил, что нет на свете никаких чудовищ. Ни оборотней, ни привидений, ни водяных. Правда, сам он никогда не забывал постучать по дереву, чтоб не сглазить, и дорогу, которую перебежала черная кошка, обходил за четыре мили.

Последняя мысль вызвала у Жака улыбку. Веселые воспоминания добавили твердости. Он тряхнул головой:

– Да что я – деревенская старуха, которая боится домового за печкой? Что может случиться, если я пойду один темной порой в место, которое считается заколдованным?.. – голос оруженосца помимо воли дрогнул, но Жак сразу взял себя в руки. – Уверен, что ничего! Зато каким героем я буду выглядеть завтра, когда люди в замке узнают, что ничего страшного у ивы нет. А какие глаза будут у красотки Абелии... – к этой пастушке он был особенно неравнодушен. – Решено! Иду! Много лет все боялись проклятой ивы. Настало время положить этому конец.

И юноша, не носивший во время праздника даже короткого меча, отважно зашагал по берегу к страшному месту. Вскоре мертвая ива оказалась перед ним. На слабом ночном ветерке ее голые ветви колыхались так же, как у любого другого дерева.

– Как я и думал! – проговорил Жак. – Ничего сверхъестественного здесь нет!

Оруженосец стал к иве спиной, собираясь идти обратно, и вдруг – замер. На затылке он почувствовал чей-то присталь-

ный взгляд.

Мгновенно обернувшись, Жак не смог сдержать крика. В расколоте стволе клубилось серебристое облако, постепенно обретающее человеческие очертания.

– Кто... что... Что ты такое?!

– Я? – переспросило привидение, уже вполне принявшее законченный облик: оно выглядело как средних лет рыцарь, только совсем прозрачный. – Я – Николас, виконт де Латур, точнее то, что от него осталось... А ты кто?

– Я – Жак.

Первой мыслью было – бежать. Однако необычный собеседник не проявлял враждебности, и юноша сумел справиться со страхом.

– Просто – Жак? У тебя нет никакого титула? – удивленно и немного разочарованно произнес призрак.

– Нет. Титул есть у моего хозяина, – нашелся оруженосец. Ему не хотелось выглядеть простаком, даже перед привидением.

– И как зовут твоего господина?

– Барон...

– Стой! – внезапно воскликнул дух. – Не произноси. Я, кажется, догадался. Твой хозяин – человек, который сейчас живет там? – прозрачным светящимся пальцем виконт указал на темнеющие вдали башни замка.

– Да, де Лангле! – выпалил оруженосец.

– Проклятье! – пробормотал призрак. – А с виду – при-

личный юноша!

– Что вы хотите сказать? – обиделся Жак. – Вы ведь совсем не знаете меня и не знаете моего господина.

– Ты ошибаешься, – ответил де Латур. – Тебя я действительно не знаю, а вот с твоим хозяином знаком. Кстати, за чем ты пришел сюда?

– Чтоб доказать, что на земле барона нет чудовищ.

– Меня считают чудовищем? – грустно улыбнулся призрак. – Забавно! Так вот, Жак: чудовище все-таки есть. Только оно не в иве, а в главной башне.

Оруженосец напрягся.

– Как понимать ваши слова? Они темны и туманны.

– А какими должны быть, по-твоему, слова тени? – рассмеялся виконт. – Ты хочешь фраз конкретных и ясных, как солнечный свет? Так слушай! Правда в том, что земля эта – моя земля. И дом этот – мой дом. Несколько веков замок принадлежал де Латурам, пока однажды барон де Лангле, вероломно напав, ни отнял его вместе с жизнью последнего законного владельца. Моей!

Жак обомлел.

– Вы хотите сказать, что тот, кому я служу, является злодеем?

– Я не могу винить де Лангле за дальнейшее, – сухо ответил дух, – он много сделал для развития замка. Хотя, по правде говоря, и при мне засевали поля и жали хлеб. Тем не менее, он многого добился и, кажется, с течением времени

изменился в лучшую сторону. Однако, в основе всего лежит преступление.

Сказав это, призрак исчез.

Жак еще долго стоял у ивы, пытаясь собраться с мыслями. Давным-давно молния ударила в несчастное дерево, навсегда изменив его – расколов. Оруженосец ощущал себя так же. Жак понимал, что отныне никогда не сможет воспринимать родной замок таким как прежде. Но знал он и то, что покинуть дом у него не останется сил. Ссутулившись, юноша побрел обратно.

Величественный замок возвышался над миром, окутанный тишиной. Спокойное ночное небо простерлось над ним. Стоящая на крови предыдущих владельцев крепость служила теперь новым людям. И волей-неволей Жак был одним из них. Замок впитывал его, поглощал.

Над крепостными башнями горели звезды.

2021 г.

Цикл притч «Калейдоскоп мудрости»

Сказка о Святом короле

В стародавние времена на обширной зелёной равнине среди лесов и цветущих пастбищ было одно государство, которым никто не правил. Когда-то там был король, но однажды он внезапно исчез. Как-то утром придворные обнаружили, что властителя нет, а на троне вместо него сидит тряпичная кукла, сшитая из лоскутков. Никто не мог понять, что случилось, слуги обыскали весь замок, но не нашли никаких следов пропавшего короля. Тогда кто-то крикнул, что это проделки нечистой силы и правителя унесли в ад, оставив на троне чучело...

У короля был сын. И, по праву наследования, он должен был занять его место. На следующий день принца при большом стечении народа короновали в церкви и повели в тронный зал, где сидела проклятая кукла. Страх сжигал душу наследника.

Когда распахнулись высокие двери, молодой король увидел красную ковровую дорожку, ведущую через залу. Он сделал шаг, но в нерешительности остановился, увидев, что

трон его занят. Жуткая кукла сидела на нём, пристально смотря на юного государя. Никто не решался притронуться к ней. И новый король тоже боялся.

Все ждали, когда же он займет трон, но принц не двигался с места. Он знал, что подданные ждут от него решительности, и знал, что должен преодолеть свой страх. Но кукла вселяла в него ужас.

От стыда и бессилия перед самим собой его лицо покраснело, а на лбу появилась испарина.

– Займи же подобающее тебе место! – воскликнул епископ.

И молодой король сделал выбор. Он вдруг скинул с себя корону и, всхлипнув, выбежал из дворца. Его драгоценный венец со звоном упал на мраморный пол и покатился к подножию трона, на котором сидела зловещая кукла. Люди в страхе вскрикнули и поспешно покинули зал.

Правитель исчез, и с тех пор кукла осталась сидеть на троне. Никто не осмеливался убрать её. Дворец забросили. Он опустел и вскоре обветшал, а королевский парк зарос и наполнился змеями.

Юный правитель не мог вынести позора и, ничего не взяв из дворца, покинул столицу, отправившись нищенствовать вдоль безлюдных дорог.

Молодой государь скитался по стране, не имея приюта. Он вымокал под ливнями и дрожал на ветру, спал в стогах сена и ел что придется. Он превратился в бродягу, и множество

опасностей подстерегали его в пути.

Однажды посреди чистого поля его застигла гроза. Молнии били в землю, и холодный дождь стеной лился с неба. Юный король видел, как одна из огненных стрел попала в дерево и оно с треском раскололось надвое, объятые пламенем. Он вжался в землю, надеясь, что не погибнет, и с волнением вздрагивал с каждым ударом грома. Как бы хотел он сейчас оказаться в своём дворце в безопасности и в тепле, но тотчас вспоминалась ему жуткая кукла и все опасности меркли по сравнению с ужасом, который она вселяла в него...

В другой раз ночью, в дремучем лесу, его чуть было не растерзали волки. Он шел по освещённой лунной тропинке и вдруг услышал невдалеке леденящий кровь вой. Послышался шорох, и через секунду молодой государь увидел в темноте горящие огоньки глаз и клыки, сверкавшие в лунном свете. На поляну выбежала стая голодных волков. Не раздумывая, король бросил в морду вожака камень и влез на ближайшее дерево. Волки, рыча и воя, окружили дуб, рассевшись у его корней. Они не хотели отпускать добычу. Два дня просидел государь на дереве, прежде чем звери оставили его и вновь ушли в чащу. Вновь король вспомнил свой покинутый дворец и вновь почувствовал, как сильно хочет туда вернуться, но все волки мира пугали его меньше, чем маленькая тряпичная кукла, посаженная кем-то на трон...

Так он выучился жить с волками и странствовал по дорогам своего королевства. Его попутчиками были бродяги и

воры. Они бы убили его, если бы у него было, что взять, но он ничего не имел.

Однажды, устав скитаться, король нанялся оруженосцем к Самому Нищему Рыцарю на свете. Самый Нищий Рыцарь на свете жил в одной деревне на заброшенной мельнице, которую он именовал своим замком. Кроме лошади, копья и доспехов, у него больше ничего не было. Сначала он мог платить оруженосцу жалование, но потом деньги совсем закончились и король стал служить ему в долг. С Самым Нищим Рыцарем на свете государь побывал на войне и немало постранствовал. Король много сражался, научившись владеть мечом не хуже своего сюзерена, а потом и превзойдя его. Он рисковал своей жизнью во многих боях, но все битвы мира всё ещё пугали его меньше злосчастной куклы.

Так прошло около десяти лет. На мельнице он встречался с дочерью Нищего Рыцаря, и тот, в конце концов, предложил ему жениться на ней, при условии, что король простит ему невыплаченное жалование за весь срок его службы. Дочь рыцаря была красивой девушкой, и государь согласился взять её в жёны. Так шло бы и дальше, но однажды король вдруг решил навестить свой дворец.

Он приехал в столицу и отправился в замок, который все эти годы был заброшен и пуст. Государь шел гулками коридорами к тронному залу, в котором когда-то начались его испытания. Толкнув дубовые двери, он вошел в зал.

Это помещение десять лет назад казалось ему огромным

и величественным, а потолок высоким, как небо. Сейчас он с удивлением понял, насколько маленьким был этот зал. У противоположной стены стоял трон, и на нем сидела тряпичная кукла. Увидев её, в первое мгновение государь ощутил страх старых воспоминаний. Но, всмотревшись чуть пристальней, он печально улыбнулся и направился к трону.

Перед ним была кукла, вселявшая в него ужас в течение долгих десяти лет. Государь вспомнил, как, бежав от неё, подвергался множеству опасностей, переживал бури и спасался от волков, грабителей и убийц. Он взял куклу в руки и сам удивился, как мог бояться её. За прошедшее время он сильно повзрослел, превратившись из мальчика в мужчину, и его великий страх вдруг оказался просто комком лоскутков, набитым соломой.

– Так вот что мешало занять мне мой трон? – удивленно произнес он, держа в руке куклу.

– Я рад, сынок, что ты все же понял урок, который я преподаю тебе, – произнес кто-то за спиной государя. Обернувшись, он увидел Старого Короля, стоящего на пороге. Он смотрел на сына и посмеивался, глядя седую бороду.

Тогда, размахнувшись посильней, Молодой Король бросил куклу в окно и, подняв с пола корону, которая всё ещё валялась там, сел на трон и стал править.

Он приказал восстановить свой дворец и выгнать из сада змей. Его правление было долгим и счастливым. И впоследствии люди называли его святым.

Сказка о розовом кусте

Однажды человек посадил в своём саду розовый куст. Куст принялся, на нем завязались бутоны и вскоре распустились цветы изумительной красоты. Все приходили любоваться ими, а одна старушка, жившая по соседству и тоже пришедшая посмотреть на розы, сказала владельцу сада: «Куст обязательно нужно вовремя подрезать, иначе он превратится в шиповник».

– Успею, бабушка, – отмахнулся хозяин роз.

Шло время. Человек радовался розам. Как-то раз старушка вновь повстречала его.

– Подрезал ли ты розовый куст? – спросила она.

– Успею, бабушка, – снова ответил тот.

– Все нужно делать вовремя, – назидательно сказала старушка.

День за днем он откладывал и откладывал это, и однажды розовый куст превратился в шиповник. Тогда человек кинулся подрезать его, но, сколько теперь он ни делал этого, вновь розами куст не стал.

Сказка о слоне и отшельнике

Это случилось в Индии когда-то давным-давно...

...Был век, и был день. Над слоном властвовали мыши. В диком лесу возле священной реки жил мудрый отшельник, он исцелял людей и наставлял на путь заблудших. Прослышав о нем, слон отправился к нему за советом. Мудрец неподвижно сидел, глядя в бегущую воду, когда слон, топая, вышел к нему из чащи.

– Мудрый человек, – воскликнул слон, – мыши издеваются и смеются надо мной, что мне делать?

– Радоваться, – подумав, ответил мудрец. – Когда над тобой смеются мыши, тебе самому должно быть смешно, глядя на них, а если бы над тобой вздумали потешаться тигры, тебе стало бы не до смеха.

Сказка о том, что нужно, чтобы стать королем

Над зелёной равниной возвышались белые башни. В ясные дни с их вершин вдалеке можно было увидеть море. Это были башни королевского дворца. В небе над прекрасной крепостью, задевая высокие золоченые шпили, медленно проплывали облака. А внизу, на земле, неподалёку от стен дворца деревенский мальчик пас скот, с завистью смотря на замок.

Изо дня в день, выпасая коров возле крепости, ему иногда доводилось увидеть роскошный кортеж, выезжающий из дворца, когда государь отправлялся на войну или на охоту. Он видел дорогих восточных коней, пестрые гербы и сверкающие доспехи рыцарей, сопровождавших монарха, развевающиеся знамена и прекрасных дам в шелковых платьях и остроконечных шапочках, которые махали платочками с зубчатых стен. Видел мальчик и самого короля. Как заворожённый, смотрел он на пышную процессию, пока она не скрывалась из виду. Тогда пастушок с грустью возвращался к своему стаду и мечтал, что когда-нибудь сам станет править.

Дни и ночи он грезил об этом, но понятия не имел, как претворить свою мечту в жизнь. И поскольку на тот момент он ещё не знал никого мудрее своего отца, то отправился к нему за советом.

Выслушав его, старик покачал головой.

– Пойми сынок, – сказал он, – я простой крестьянин и могу научить тебя пасти скот, но я не могу сделать тебя королем. Попробуй спросить нашего священника, он учений меня, и, может быть, он тебе что-то подскажет...

Разыскав священника, мальчик обратился к нему.

– Ты хочешь стать королем, – подумав, ответил священник, – но справишься ли ты с такой ролью? Ты не умеешь читать и писать и плохо считаешь. А любой правитель делает это с лёгкостью, иначе как ему править?

– Пожалуйста, – взмолился мальчик, – научите меня...

И священник стал учить его грамоте. Прошло несколько лет, и пастушок стал читать, считать и писать не хуже своего учителя, а также узнал историю и религию своей страны. Он выучился всему, о чем говорил его наставник, но почему-то по-прежнему не сделался королем. Тогда он вновь обратился к священнику с этим вопросом. Тот крепко задумался и наконец сказал так:

– Понимаешь, я просто сельский священник, и я могу научить тебя грамоте, но не могу сделать тебя королем. Я слышал, что в соседнем селе живет учитель фехтования, когда-то он жил при дворе, он видел больше меня, быть может, он сможет тебе помочь...

И мальчик отправился к нему.

– Прекрасно, что поп научил тебя грамоте, – сказал фехтовальщик, выслушав его, – но, кроме того, король обяза-

тельно должен уметь фехтовать, иначе как ему справиться на войне?

– Научите меня, – попросил мальчик.

И фехтовальщик взялся его учить. Прошло ещё несколько лет, мальчик повзрослел и стал юношей. Он превзошёл в фехтовании своего учителя и научился ездить на боевом коне, но королём по-прежнему не стал.

– Как же так?! – спросил он наставника.

– Видишь ли, – ответил тот, – я просто учитель фехтования, я могу научить тебя владеть мечом, но я не могу сделать тебя королем. Я знаю, что в городе живет мудрый философ, попробуй спросить его совета.

И юноша отправился в город.

– Ты хочешь стать королем, – сказал философ, когда он переступил порог его дома и задал свой вопрос, – но знаешь ли ты, что такое государство и как им управлять?

– Нет, не знаю, – ответил юноша и стал учиться философии и праву.

Он много общался с людьми и читал умные книги, узнавал, чем живет народ и какие проблемы есть в государстве. Спустя несколько лет он сам стал читать лекции в местном университете и писал талантливые трактаты, в которых изображал идеальное государство, без обездоленных и несчастных, и предлагал пути достижения этого. Он совершил значимые открытия в науке, но королем он по-прежнему не был. Его недоумение учитель разрешил так.

– Видишь ли, друг мой, – сказал мудрец, – я просто философ, и я могу научить тебя праву и философии, но я не могу сделать тебя королем. Что тебе теперь предпринять, я даже не знаю. Попробуй совершить какой-нибудь подвиг, может быть, это поможет. За морем живет дракон, держащий в плену тысячу прекрасных девиц. Освободи их, и, может, в благодарность люди сделают тебя королем.

И молодой человек отправился за моря. Пережив немало опасностей и чудесных приключений, совершив множество славных дел, он сумел добраться до дракона, стерегущего в своём логове прекрасных пленниц. В честном и жестоком бою он убил злодея и освободил несчастных красавиц. О нем слагали легенды и песни, его именем называли города, девушки в разных странах мечтали о нем. Он совсем повзрослел и стал мужчиной, но королем он по-прежнему не был.

Герой был обескуражен и удивлен. Его одолели отчаяние и усталость. Хотелось уйти куда-нибудь подальше к морю и подумать о белых башнях, возвышающихся над зелёной равниной. Но вместо этого он отправился к чародею.

Колдун жил отшельником в высокой башне, сделанной из слоновой кости. Поднявшись по трем тысячам ступеней, герой задал волшебнику свой вопрос. Маг оторвался от старинной книги и взглянул на вошедшего.

– Видишь ли, юноша, – промолвил он, – все намного проще, чтобы стать королем, нужно всего лишь родиться в королевской семье. Но такие люди, как ты, двигают историю.

Сказка о бедном плотнике или о том, как одолеть врагов, не пролив ни капли крови

Он строгал доски. А на площади лорды говорили перед людьми. И обрывки их слов долетали до его слуха. В них не было особой мудрости, но была сила и блеск. А он был простым плотником, и это угнетало его. Нет, он был бы вполне счастлив своим положением, если бы только на земле не существовало лордов. Ведь каждый раз, когда он сравнивал себя с ними, то чувствовал, что он хуже их, и лишь только потому, что не он говорит на площади.

Плотник и сам понимал, что в действительности не хотел быть лордом – зачем? – он лишь хотел не чувствовать себя побеждённым, ведь это такое горькое чувство. Но каждый раз как он вспоминал о них, лорды одерживали над ним победу. И самое ужасное, бедному плотнику казалось, что и другие люди знают о его позорном поражении и сравнивают его с лордами и думают, что он хуже их. Он думал, что ими восхищаются, а его презирают. И эти мысли сводили его с ума. О, если бы только он мог стать лордом или уничтожить их всех.

Но как заблуждался плотник... Ведь люди на площади думали каждый своё. Кто-то, как и плотник, сравнивал с лор-

дами себя. Другой думал, что все лорды обманщики и воры. А та девушка, что ему нравилась, скучала от их болтовни и думала о мужественном плотнике: ах, если бы только он заговорил с нею. Один из лордов умирал от чахотки и очень завидовал здоровому плотнику. А какой-то мальчик хотел научиться строгать доски, как он. И никто, ни один человек не сравнивал его с лордами, никому это просто не приходило в голову.

И однажды внутренний голос сказал ему: «Не сравнивай». И жизнь плотника преобразилась. Его борьба с лордами завершилась. И завершилась полной победой. В его душе воцарились спокойствие и уверенность, осанка расправилась, а голос обрёл силу. Он перестал чувствовать себя побеждённым, потому что больше не состязался. А тот, кто отказывается соревноваться, не может быть проигравшим. Да, лордом он не стал, но ему это и не было нужно. Он вышел из этой бесконечной игры и, перестав чувствовать себя побеждённым, стал чувствовать себя Победителем, а лорды... отныне были сами по себе. И он стал свободен. Так, отказавшись сражаться, плотник обрёл Победу.

И теперь, когда на площади лорды говорили перед людьми, они слышали, что плотник строгает доски. По крайней мере, ему так казалось. Но разве ему на земле было нужно что-то ещё?

Сказка о великом властителе

Когда-то давным-давно, когда пирамиды ещё только строились, а нынешних государств никто даже не предполагал, одним народом правил великий властитель.

Это был грозный деспот и тщеславный тиран, подчинивший много людей и покоривший соседние земли. Он верил, что происходит от богов, когда-то спустившихся с небес в огненных колесницах. И считал, что велик как никто на земле. Эта мысль тешила сознание владыки, но очень скоро ему потребовались подтверждения своего особого превосходства и отличия от остальных людей. Так были созданы первый трон, первая корона и первый дворец на свете.

Какое-то время они радовали тирана, давая ему зримое воплощение его исключительности по сравнению с подданными, но вскоре наскучили, и ему потребовались новые доказательства своего величия.

Подумав, он решил, что для достижения намеченной цели ему следует постараться стать как можно более отличным от своих слуг, и поскольку те постоянно что-нибудь делали и каждое мгновение были в движении, изрек, что впредь не сдвинется с места.

– Я настолько велик, что впредь не утружу ни одной своей мышцы, – это удел презренных рабов, – сказал государь и замер.

С тех пор он не шелохнулся – лишь отдавал приказания, чего ему хочется, а слуги относили его, куда было нужно, открывали рот, чтоб положить туда виноград или оливки, и двигали его челюстями.

Сперва властелин был доволен, но вскоре осознал, что ему все же приходится напрягаться, а значит уподобляться презренным рабам, чтоб отдавать приказания. И тогда для полного подтверждения божественности своей природы тиран замолчал.

– Я так велик, что отныне вы сами должны догадываться, что мне нужно, – сказал он однажды и застыл в загадочном молчании.

Теперь, не двигаясь и не говоря, властелин стал подобен сфинксу, застывшему в гордом величии.

– Отныне мы сами должны догадываться, что ему нужно, – испуганно бормотали подданные.

Никто не знал, что предпринять. Некоторые попробовали действовать наугад: кто-то ущипнул властелина за нос, решив, что тому этого может хотеться, другой, по той же причине, обмазал его грязью, третий обмотал его красной ленточкой. Глаза властителя-сфинкса приобрели странное выражение, но тиран не шелохнулся и не издал ни звука. Тогда в дело вмешался визирь.

– Люди, – сказал он, – на самом деле нашему властелину ничего не нужно, и это последнее доказательство его сверхъестественной сущности. Поэтому оставим владыку одного и

дадим возможность нашему государю заниматься созерцанием своего ослепительного величия так, чтобы ничто не отвлекало от этого.

Залу замуровали, и народом стал править хитрый визирь, учредивший в стране культ великого властителя-сфинкса.

Сказка о Живой Душе

Странствовала однажды по свету Живая Душа. И нигде не могла найти для себя пристанища, где ей было бы хорошо и откуда бы не хотелось уйти снова скитаться. Все повидала она, но места, которое стало бы для неё домом, так и не нашла. Тогда обратилась Живая Душа к Ветру и сказала ему:

– Ветер, помоги мне найти то благословенное место, где мне было бы хорошо.

Ветер подхватил её и понёс над землёй. Они пролетали над морями и странами, видели корабли, и города, и зелёные острова в океанах, но больше всего привлёк Душу цветущий розовый куст, растущий в саду возле неприметного домика.

– Взгляни, Ветер, – как прекрасны эти цветы! – воскликнула Живая Душа. – Как свежи и сочны их листья и как нежен их аромат!.. Скорее, неси меня туда!..

Ветер послушался, и лёгкий клубок тумана опустился на куст, запутавшись в его ветвях, цветах и листьях.

– Как хорошо! – шептала Живая Душа, нежась в чудесном кусте. – Как хорошо!.. – и вдруг укололась об его острые иглы.

– Ой! – воскликнула она. – Здесь есть и шипы. И их едва ли не больше, чем прекрасных цветов! Ветер, скорее унеси меня отсюда!

Ветер повиновался и, осторожно подняв её из цветущего

куста, взмыл в высокое небо. Они вновь полетели среди облаков, и вскоре Живая Душа увидела изумительный водопад со сверкающей радугой.

– Опусти меня туда, Ветер! – сказала она.

Ветер выполнил её просьбу и стал спускать её к водопаду.

– Как красиво искрятся капли! Как чисты и прозрачны струи... – говорила Живая Душа, приближаясь к нему. – Но какой студёный поток! – воскликнула она, опустившись в воду. – И как сыро мне здесь и холодно! Унеси меня, Ветер!

И Ветер снова взмыл с нею ввысь. Теперь они пролетали над зелёным побережьем лазурного моря.

– Как нравится мне здесь, – сказала Живая Душа, наслаждаясь полётом, – но пейзаж чересчур однообразен. Нет ни холмов, ни гор.

И они полетели к горам, укрытым белыми ледниками.

– Это действительно лучше! – воскликнула Живая Душа. – Но, к сожалению, тут нет моря. Где же то место, где я обрету покой?

Так они добрались до края света. Здесь не было ничего. Лишь сумерки и туман. И здесь у серой скалы над мутными волнами повстречались они с Мертвой Душой, которая давным-давно покоилась тут.

– Что это? – спросила Живая Душа.

– Ничто, – ответила Мертвая.

– Где мы?

– Нигде, – словно эхо раздался ответ.

– Понимаешь, – робко начала Живая Душа, – я странствую по свету, чтобы найти то место, откуда бы мне не захотелось уйти снова скитаться.

– Для меня такое место здесь, – голос Мертвой Души наполнил шелест осыпающихся осенних листьев, – я покоюсь здесь вечность и останусь здесь навсегда.

– Но как же так?! – воскликнула Живая Душа. – Я столько путешествовала по миру и видела столько прекрасных мест, и каждое из них было великолепно, но нигде не смогла я остаться, *ни в чем не нашла совершенства, ничем не была полностью удовлетворена* и каждый раз вновь отправлялась на поиски, *желая найти новое, лучшее, другое!*.. А ты вечность покоишься здесь, где нет вообще ничего – только сумерки и туман, – и говоришь, что останешься здесь навсегда... Почему?!!

– Да потому что ты – **ЖИВАЯ!**

Сказка о царском зверинце

У одного царя жили-были мышь, еж, заяц, лиса и медведь. Мышке царь платил три монетки в неделю; ежу – шесть; зайцу – девять; лисе – двенадцать; а медведь у каждого забирал половину.

Позавидовал меньший зверь большему. Переделась мышь в ежа – получила шесть монеток, еж переделся в зайца и получил девять. Заяц нарядился лисой, и дали ему двенадцать монет. Лиса, переодевшись в медведя, у каждого забрала половину. А медведю что было делать?.. Все отнял.

Сказка о маленькой девочке

В одном крестьянском селении на опушке дремучего леса жила маленькая девочка. Мама её любила, и дома ей жилось хорошо.

Раз пошла она гулять в лес. Зашла далеко, а там дикие звери прячутся по кустам и норам, смотрят на девочку и зубами щелкают. Серый волк в чаще точил о камень клыки, увидел девочку и думает: «Сейчас её съем».

А девочка идет по тропинке и поёт песенку:

Я маленькая,
Меня мама ругает...

Жалко стало волку девочку, не стал её есть.

Пошла она дальше. На ветру сосны шумят, в кронах птицы поют. В берлоге бурый медведь сидит: «Сейчас, – думает, – утащу её в дебри».

А девочка идет и поёт:

Я маленькая,
Меня мама ругает...

Маленькая... Мама ругает... Пожалел медведь девочку, не тронул её.

Идет она дальше. Зайцы скачут по земле, белки – по деревьям, а под дубом дикий кабан жёлуди рыл. Увидел её: «Сейчас, – думает, – затопчу». А девочка всё своё:

Я маленькая,
Меня мама ругает...

Не стал её дикий кабан топтать. Так и дошла до дому...

Сказка о соловье

Где-то на свете был сад, в котором жил соловей. По ночам он пел для цветов и деревьев, и его чудесные песни завораживали слушателей изумительной красотой. А в земле под садом были пещеры. Туда никогда не проникал свет, и в пещерах тех жили гадюки. Они не ведали прекрасного, дыша лишь ядом и злобой. И однажды змеи решили захватить сад. Ночью они вылезли из своих нор и поползли, шурша по траве, в сад соловья.

Среди рваных туч на небе сияла луна, и змеи, блестя в её свете, подбирались к заветному саду. Соловей пел. Он не верил в зло. Сегодня он собирался спеть лучшую песню, какой ещё не знал мир.

Змеи были близко. Травы тревожно всколыхнулись, и испуганные полевки бросились врассыпную.

– Соловей! – прокричали они. – В сад ползут злые гадюки!

– Мне нет до них дела, – сказал соловей, – я пою.

Он сидел на цветущем кусте шиповника и, закрыв глаза, старательно выводил ноты.

Они ползли медленно, но неотвратимо. Ветер донес злое шипение, и кусты зашелестели, предупреждая его.

– Спасайся, соловей, в сад ползут злые гадюки! Улетай!

– Нет, – воскликнул он, – я сперва допою мою песню.

Первая змея заползла в его сад. Соловей не взглянул на

неё. Он был слишком занят.

– Что для тебя важно, соловей? – прошипела змея, пытаясь поймать его взгляд.

– Жизнь, – ответил он, по-прежнему не смотря на гадюку.

– А что для тебя жизнь? – вновь спросила она.

– Возможность спеть мою песню в моём саду, – вымолвил соловей.

Гадюка свернулась в корнях куста.

– Пой, соловей, – сказала змея, – когда мы соберёмся все, мы убьем тебя и захватим твой сад.

– Не мешай мне, тварь, мне нет до вас дела. Сегодня я хочу спеть так хорошо, как ещё никогда не пел. И ничто не помешает мне.

Закрыв глаза, он продолжил мелодию. Ещё одна змея приползла к нему и повисла на ветвях.

– Улетай, соловей, – шумели деревья, – в сад забралась вторая змея!

– Нет! – воскликнул он. – Я должен допеть!

– Соловей, твоя песня не стоит твоей жизни!

– Моя песня – это моя жизнь!

Его песня и вправду была изумительна. Столько долгих лет он сочинял её в своём сердце. В неё он постарался вложить всё: шелест листьев и свет луны, мерцание звёзд и глубину моря, вздохи влюблённых и шепот молящихся... Между тем сад наполнялся змеями.

– Соловей! Соловей! В саду появилась третья змея!

Соловей не ответил. Именно сейчас мелодия подходила к кульминации, и он, весь напрягшись, поднимал её к небу, чтоб потом бросить вниз и, бережно подхватив, вновь взмыть с нею к звёздам. Чарующая музыка, какой и вправду не знал ещё мир, наполняла душу восторгом и трепетом.

– Соловей! – зазвенели звёзды. – В сад проникла четвёртая змея! Улетай!

– Нет! – закричал соловей. – Я допою, даже если это моя последняя песня!

Он не мог прервать её. В этой песне была вся его жизнь. Много лет он ждал этого момента, и теперь наконец создал своё гениальное, лучшее произведение. Он не мог предать свой талант, свою песню, свою жизнь и свой сад. Он должен был допеть. Даже если ценой была смерть.

В сад вползла пятая змея.

– Господи, – думал соловей, – только бы мне хватило времени, чтоб закончить...

Оставалось ещё полпесни. В саду с каждым мгновением прибавлялось змей. Они свивались в корнях куста и оплетали ветви, повисая на них, со всех сторон окружая бедного соловья. Закрыв глаза уже не для того, чтобы лучше слышать себя, а для того, чтобы не видеть ужасных тварей, он вёл свою песню к финалу. А страшный отсчёт между тем продолжался.

– Соловей! В сад вползла пятнадцатая змея!

– Только бы мне хватило времени... – думал он.

– В сад вползла двадцать восьмая змея!

– Я допою. Осталось четырнадцать тактов...

Жуткая ночная борьба одного маленького соловья против множества страшных змей, словно прение Живота со смертью, подходила к развязке.

– Соловей! В сад вползла *последняя* змея!

Все смолкло. Мелодия прервалась. Но ради этой финальной паузы она и создавалась. И, выждав положенный миг, соловей взял последнюю ноту и замолчал. Песня кончилась. В это мгновение змеи бросились на него.

...Но соловей, подобно собственной песне, взмыл невредимый в высокое небо и скрылся среди звёзд. И музыка полетела за ним, покинув сад, переполненный змеями. Он смог закончить её.

Змеи торжествовали, но теперь, без соловья, зачем был этот сад? Тело жило, но душа покинула его. А тело без души имеет небольшую ценность. И вскоре змеи и сами поняли это.

Наутро над землёй взошло солнце. И змеи, никогда прежде не знавшие света, в панике бросились к своим норам от его слепящих лучей. Забившись глубоко во тьму, они стали ждать, когда снова настанет ночь. Но какой-то путник, а может ангел, посланный Богом, проходя мимо их мрачной пещеры, повинувшись непонятному наитию, завалил вход в неё огромным камнем. И злые змеи навечно остались погребены под землёй.

И тогда соловей, словно изгнанный император, вернулся в свой сад. И опустившись на куст шиповника, снова исполнил ту песню, которая была важнее, чем жизнь.

...Эту историю рассказал мне мой друг – старый писатель. Вот уже много лет он работал над своим главным и лучшим произведением, которое всё не мог закончить. И это тревожило старика. Ведь ради этой книги он жил. Изнурённый болезнями и годами, он понимал, что его время кончалось, и очень боялся не успеть. Он писал по ночам, усердно и напряжённо ведя свою книгу к финалу, и однажды признался мне, что каждую ночь видит вокруг себя змей...

2012 г.

Цикл рассказов «Зарисовки из жизни кота в России»

Кот и масленица

Пришла масленица! Сырная неделя с разгульными развлечениями, весельем, пестрыми балаганами, снежными крепостями и, конечно, блинами. Блинами жирными, румяными, со всем на свете, что есть на Руси – со сметаной, с медом, с творогом, с варением, и, конечно, с икрой: черной, красной, розовой, щучьей. С вином, с водкой, с гармошкой и тройками, с потешными боями и огненными колесами... Эх! Гуляй, русские! Будет Великий пост.

Было начало марта. Зима уже чувствовала завершение своей власти, и медленно, шаг за шагом, уступала священной весне. Зазвенели днями капли с крыш деревенских домишек, появились первые робкие проталины, домашняя скотина приободрилась, чувствуя грядущие жизнь и тепло. Но все же еще было студеное время: ночью трещал мороз, по утрам все схватывалось наледью, и не дай Бог, в темное время оказаться в степи на ледяном ветру, пронизывающим насквозь холодом.

В доме с мезонином кот лежал у печки, прикрыв нос лапа-

ми. Из-под двери задувало, и щекотало усы, но перелечь на другое место коту не хотелось. Ему было лень. И потому прикрыть нос лапами было лучшим решением, чтобы студёный воздух не попадал в ноздри. Коту что-то снилось. Он наелся блинов, и вылакал мисочку молока. Он спал час, два, три... И все слаще становился сон, но весёлый шум, донесшийся с улицы, достиг его ушей, и кот, встрепенувшись, проснулся.

Заинтересовано прислушиваясь, он уставился на окно. Звук определенно долетал с улицы. Кот подбежал к двери и стал мяукать, требуя, чтобы его выпустили на прогулку. Дверь приоткрылась, и кот выскользнул во двор.

Влажный мартовский снег еще покрывал землю, но под несмелыми солнечными лучами, белый ковер серел и медленно оседал. Осторожно ступая мягкими лапами, проваливаясь в сугробы, кот стал пробираться через сад в ту сторону, откуда доносился смех и еще какие-то звуки. Подойдя чуть ближе, кот понял, что это песня, но о чем она было пока непонятно.

У околицы девушки встречали масленицу: три в тулупах и ярких платках и одна в полушубке с непокрытой головой и косой до пояса. Все красивые и молодые. Весело смеясь, они пели звонкими голосами:

Летел кулик из-за моря,
Принес кулик девять замков.
Кулик, кулик!

Замыкай зиму, отворяй весну,
Тепло летечко...

«Понедельник – встреча» – подумал кот, внимательно смотря на девушек. Он вслушивался в слова, казавшиеся такими прекрасными и полными смысла. И этот кулик, который летел... Кот несмело попробовал подпевать: «Кулик, кулик...». А девушки пели песню по кругу.

Загадочная песня, да затейливая. То, что кулик летел – это коту было прекрасно понятно (и наверняка кулик был хороший, да жирный), то, что он летел из-за моря было представить уже сложнее, но кое-как получалось, а вот про замки было решительно непонятно. Но это было коту все равно, песенка словно заморозила его.

Вскоре девушки ушли, а кот расстроился, ему хотелось еще. Он выбрался из-за изгороди, сел у дороги, и стал петь сам, как запомнил:

Летел кулик из-за моря,
Летел кулик из-за моря...

Раз про замки было непонятно, то кот про них и не пел. Потом он убрал и «из-за моря». «Летел кулик... Летел кулик...» – пел кот. Потом и это показалось ему слишком длинным и он сократил еще. «Кулик, кулик, кулик, кулик, – голосил кот по кругу, и иногда добавлял басом, как иподья-

кон: – Тепло летечко!». А потом начинал сначала. Песня про кулика ему очень нравилась.

По дороге проезжали дрожки, в которых сидел молодой подпоручик с хорошенькой барышней. Повернувшись к ней, он сказал: «Коты орут. Март-с».

Кот и сорока

Определенный этап в жизни кота занимала вражда с сорокой, которая жила в лесу на березе. Кот считал эту птицу довольно наглой и вороватой, и, надо сказать, имел к тому некоторые основания. Борьбе с ней он посвятил целое лето.

В ту пору кот жил на даче под Гельсингфорсом – базой русского Балтийского флота. Там же неподалеку жила и сорока. В окрестностях были хвойные леса и голубые озера, в которых плавала чудесная рыба с серебряной чешуей, ее можно было даже потрогать лапой и попытаться вытащить из воды. Но главным было не это. Главной ценностью этих мест, как слышал кот, была «стратегическая глубина для Санкт-Петербурга», об этом говорили морские офицеры, часто бывавшие на даче в гостях. Среди прочих, захаживал иногда старый московский профессор, манжеты которого скрепляла пара чудесных аметистовых запонок. Коту очень хотелось поиграть с ними. Завладеть запонками мечтала и сорока, которая, бывало, сидела на подоконнике и, наклонив голову, внимательно смотрела на сверкающие кристаллы, пока профессор пил чай.

Один из дней, как казалось поначалу, складывался на редкость удачно. И погода была замечательной. Кот лежал на теплом песке и перебирал лапами. Он был очень доволен собой. Кот считал, что он – бонвиван. Кто это такой кот не

знал, но само звучание этого слова, подсказывало, что оно ему очень подходит. Он блаженно жмурился и подумывал о том чтобы уснуть, но вдруг, неожиданно, увидел сквозь дрему, как что-то блестит чуть поодаль от того места, где он лежал. Кот проворно вскочил на лапы и рысью побежал туда.

На дорожке, чуть притоптанная в пыли, лежала запонка с фиолетовым камнем, вероятно потерянная профессором, бывшим накануне на даче и пившим на крыльце чай из самовара. Кот осторожно обнюхал запонку и толкнул ее лапой. Она перевернулась, сверкая и блестя в лучах солнца. Сомнений не оставалось – эта была та самая запонка. Довольный кот начал забавляться с находкой. Он не знал, что с забора за его спиной за происходящим наблюдала сорока. Когда кот отбежал на несколько шагов и приготовился, чтобы прыгнуть на запонку как на добычу, сорока камнем упала на землю и тут же взмыла ввысь, с зажатым в клюве украшением. Не желая отдавать найденное, кот вцепился сороке в хвост, выдрал несколько перьев, она возмущенно закричала и выронила драгоценность. Кот схватил запонку и бросился удирать, сорока погналась за ним. На бегу кот обронил запонку, ей опять завладела сорока, но, не рассчитав траекторию, птица врезалась в дерево и упала на землю. Кот бросился на нее и отнял сокровище, после чего с трофеем помчался прочь, и вдруг увидел, что навстречу ему по дорожке идет с тросточкой тот самый старый профессор. Кот развернулся, чтобы бежать обратно, но сзади его преследовала сорока.

Запонку он держал в зубах. Что было делать? И кот съел её.

Кот и Павлин

Чудесный дом с мезонином находился в Липецком уезде. Кот жил там. Нарядный светло-желтый дом был до того хорош, что всякий случайный прохожий непременно останавливался на нем взгляд. Крыльцо было высокое, наличники – резные, а в палисаднике росла сирень. В торжественные дни, как например, при коронации императора, на доме появлялся трехцветный флаг. В саду произрастала совершенно особенная трава, спать на которой было мягче, чем на перине, а в доме стояла прекрасная печь, возле которой так хорошо было коротать зимы. Эту свою резиденцию кот любил более других, дачи в Финляндии или Польше не могли с ней сравниться. Возможно, разве что Крым мог быть лучше, мечтательно думал иногда кот, но в Таврической губернии он пока не бывал.

Этот дом имел еще одну особенность, составляющую главный предмет для гордости кота. Он считал, что по соседству живет Павлин. Кот думал так потому, что за забором кто-то действительно жил и иногда издавал необычные звуки, которых кот никогда раньше не слышал. Судя по всему, там была какая-то птица, но точно не курица, не гусь и не утка. Методом исключения, кот пришел к выводу, что там обитает Павлин – чудесная птица из далекой Индии, быть может, даже из самого сказочного Лагора, где (как знал кот)

в стародавние времена находился пышный дворец, куда летающий змей уносил девушек. Кот предавался фантазиям о далеких краях, и благодаря Павлину, они становились для него ближе. За это кот его очень ценил и даже немного побаивался, как всякое существо из мира чудес. Перелезть через забор и посмотреть, кто там живет коту никогда не приходило в голову, потому что забор был высокий, а кот ленивый.

Так кот и фантазировал долгое время. Но однажды в ветряный весенний день кот шел по улице и вдруг ворота соседского двора распахнулись от внезапного порыва ветра. Кот в ужасе вжался в землю, ожидая, что сейчас выйдет Павлин. К воротам и вправду кто-то приближался. Кот зажмурился, и через мгновение из ворот вышел... индюк. Кот открыл глаза. Индюк посмотрел на кота, кот – на индюка. С минуту они глядели друг на друга, после чего молча разошлись. «Этого не было» – решил кот, и до самой революции продолжал верить в соседство Павлина, правда про Лагор думал теперь реже, а потом и вовсе стало не до того.

Кот и война

В тот день, когда началась Германская, кот отсыпался в кустах сирени. Весь прошлый вечер он откапывал корешки валерьяны, чтобы успокоить нервы, взбудораженные соседской кошкой Матильдой. Откопав штук десять, кот съел их все и тут же уснул. Это лето он проводил на даче в Польше, на границе с Германией.

Опасный западный сосед дремал совсем близко, и сон его был чуток, или вернее являлся лишь видимостью сна. Все чаще потенциальный противник приоткрывал глаза да поглядывал на Восток, а в последние несколько месяцев его поведение стало и вовсе угрожающим. На границе Российской Империи сгущались грозовые тучи. По всей видимости, окончательное разрешение германо-славянского вопроса из теоретической перспективы становилась реальностью. Но пока не было войны, все наслаждались миром. И кот в густых сиреневых зарослях видел чудесные сны.

А тем временем столкновение начиналось. До Пруссии было всего пару верст и какой-то наглый немецкий *der Kater*¹, пересек границу, вторгся в Россию, и приближался к даче кота. Заканчивались последние мгновения дивного сна, а снилось что-то восхитительное, и теплый летний ветерок нежно шелестел листьями над ушами, и какая-то птичка так

¹ Кот (нем.)

славно чирикала. И весь этот сон назывался добрая и старая матушка-Россия...

Наш кот проснулся, отвратительное чужое мяуканье разбудило его и разрушило волшебство. Он вылез из-под свода сирени и увидел врага, бесцеремонно вторгшегося в его мир. Der Kater на прекрасной грядке с превосходной капустой копал ямку и противно мяукал. Что было делать? Не бежать же от пруссака?! Русский триколор сверкнул в глазах кота, и он бросился в бой.

Так началась война. Государь Император в Петрограде с балкона еще не призвал народ постоять за Святую Русь, и не сошлись еще русские и немецкие армии в четырех Галицийских битвах, а на капустной грядке уже шел бой. И пусть он не имел существенного значения для истории, но всякое, даже малое существо защищает свое достоинство. А главным достоинством каждого является Родина. И кот отважно бился за свою землю.

Бой был упорным и тяжелым. В итоге враг был разбит и, поджав хвост, удирает в Пруссию. Немецкий der Kater сполна почувствовал и русский характер, и русскую удалость. Торжествующий победитель гордо смотрел ему вслед...

Но эта победа, увы, никак не изменила дальнейшей конфигурации фронта, и от германской оккупации кот бежал в Черноземье.

КОТ И МЫШЬ

Гремела Отечественная война. Времена были трудные. Утешение кот находил в воспоминаниях... Давно-давно, лет шесть назад...

...Маленькая мышка бежала по лугу, утопая лапками в пушистой траве.

– Ух, ты, клевер! – воскликнула она.

Мышь любила клевер. Это происходило все там же, в Липецком уезде Тамбовской губернии. День был прелестный, солнечный и теплый, небо – синее, а кот был полуторамесячным котенком, и спал в стоге соломы. Здесь и нашла его мышь. Надо сказать, находить его она не собиралась совершенно точно. Она, по всей видимости, искала что-то съестное. Но нашла кота, вернее, котенка. Когда она завозилась с соломой, он выбрался, чтобы посмотреть что там шуршит, и увидел мышь.

«Разбежаться и сбежать» – подумала мышь, когда голова котенка появилась из стога. Она уже собралась так и сделать, но в это мгновение котенок не удержался на слабых лапах и, потеряв равновесие, ткнулся носом в солому. Он был совсем не опасен. Поняв это, мышь на мгновение задумалась, потом куда-то сбегала и принесла котенку маленький кусочек сыра.

Так началась их дружба. Котенок по каким-то причинам остался один, и мышь взялась опекать его. Котенок нуждался

не только в заботе, но и в наставлении, поэтому мышь стала учить его.

– Когда-то мышь бегала по травке и повстречала очень умную кошку, – рассказывала она, – и та дала ей несколько ценных советов: мышка, побегала – отдохни – говорила кошка – поела – отдохни, проснулась, мышка, обязательно отдохни. Главное не устать, – сказала мышь, – я всегда так делаю. И ты так делай.

Котик так и делал, как говорила мышь. Потому что мышь была взрослая, а кот – маленький, хотя и больше её.

Кроме игр они вели и серьезные разговоры. Мышь даже делилась с ним самым сокровенным.

– Я мечтаю о сахарнице, – призналась однажды мышь. – Мне очень хотелось бы обладать ею

– Зачем? – удивился кот, не любивший сахар.

– Это трудно объяснить, – задумчиво ответила мышь, – ни что не меняет жизнь так, как сахарница...

Когда котенок еще немного подрос и окреп, они стали гулять вместе. Раз они увидели на улице пыхтящий автомобиль.

– Хорошая машинка – квадратненькая... – одобрительно произнесла мышь.

Кот согласился с этим.

В другой раз они увидели холм.

– Какая потрясающая гора! – воскликнула мышка.

– Что же в ней особенного? – не понял кот.

– Мне нравится все, что больше меня, – сказала мышь.

А еще был случай, когда на скотном дворе, животные собрались вокруг осла, объяснявшего новую социально-экономическую теорию (хотя таких слов, кот тогда еще не понимал), и они тоже подошли послушать.

– Мы все переделаем! Все поменяем, – восторженно говорил осел, нацепив кумачового цвета седло, – сровняем горы, повернем реки вспять, где были пустыни, станут моря, а где были моря, будут пустыни! Весь мир так преобразим!

– Вы допреображаетесь, что жить станет негде, – подумав, только и сказала мышь. А кот, запомнив ее слова, в будущем уже был готов отличить правду от лжи, когда ослы попытаются реализовать свои фантазии. За это кот был ей благодарен.

Он был благодарен ей и за другое.

– Знаешь, – сказала однажды мышь, когда кот стал еще немножечко больше, – мы можем быть вместе, только пока ты маленький.

– Почему? – опешил котенок, так полюбивший мышь.

– Потому что, когда ты вырастешь, ты съешь меня, – ответила мышь, – а я этого не хочу. Поэтому знай, сколько нам отмеряно времени. Но не расстраивайся, пушистый кот, все проходит.

И в положенный срок мышь исчезла. Просто сбежала и все, как не плакал кот. Потому что она была мудра и знала жизнь. Знакомство с мышью стало важным этапом в судьбе

кота. Она научила его любить, научила его прощаться и научила его ценить время, которое в жизни отпущено нам на что-то. Когда кот вырос, мыши перестали разговаривать, но этих уроков он не забыл и благодаря этому сумел выдержать и войну, и даже революцию.

Эпилог, или Не расстраивайся, пушистый кот!

Февраль мало что изменил в жизни кота, разве что питание стало более скудным и редким, а вот Октябрь заставил много от чего отказаться. Кот был слишком толстый и важный, чтобы ужиться с диктатурой пролетариата. В восемнадцатом году он с хозяином бежал в Сибирь, к Колчаку. В Омске хотя бы было сливочное масло, по крайней мере, первое время. А когда пали Белые армии и правительства, положение кота стало по-настоящему затруднительным. Уйти с русскими офицерами в Харбин он не мог, потому что китайцы ели кошек, а оставаться в стремительно краснеющем Омске было решительно невозможно. Оставалось одно – уходить в тайгу.

Говорят, кот обосновался на берегах озера Лабынкыр со святыми отшельниками. Вроде бы в озере обитает чудовище, но оно кажется коту менее страшным, чем большие ослы в кумачовых седлах. Он мечтает куда-нибудь выехать, умные люди советуют – в Сан-Франциско, кот не знает, где это. Он грустит о прошлой своей жизни, но когда особенно подступает тоска, слышит ласковый голос, который будто бы говорит ему: «Не расстраивайся, пушистый кот!». И кот верит, что все пройдет.

2017 г.

Литературные миниатюры

Готическая гостиная

Днем, освещённая яркими лучами милосердного северного солнца, проникающими через узкие стрельчатые окна, или вечером, в мерцающих отблесках мраморного камина, гостиная в готическом стиле, обставленная хозяевами с безупречным вкусом, дремала в спокойствии вечности. Эта высокая просторная полная света и воздуха комната, с потолком, далёким как небо, и прекрасным сверкающим паркетом на полу, каждый час наполнявшаяся глубоким и звучным боем старинных часов, казалась воплощением эстетики и порядка.

Сделанные из благородного дуба изящные книжные шкафы, в которых были собраны лучшие произведения мировой литературы и философской мысли, удобные глубокие кресла, стоящие у камина, резной буфет, хранящий за стеклом фамильное серебро и бокалы тонкого богемского стекла, искрящиеся лёгким, еле заметным, ограничением, гобелены, изображающие исторические события давности разных лет, и портреты предков, спокойно смотрящие со стен, воспитали не одно поколение. Так проходили столетия.

Наступил новый век, и в готической гостиной появились

новые хозяева, принесенные лихим ветром революций. Все изменилось. Богемские бокалы разбились. Книги и мебель в морозную зиму были сожжены для тепла. Чудом уцелевшие часы молчали, потому что никто не удосуживался завести их. По некогда сверкавшему паркету ходили в грязных сапогах. А в прекрасном мраморном камине варили щи...

Вот и вся история готической гостиной. Грустная история о красивом и романтическом образе, втоптанном в грязь хамством и пошлостью.

Маленькие победы

Когда-то я считал, что жизнь человека имеет смысл лишь в том случае, если потом о нем напишут, хотя бы несколько строк, в учебниках по истории. Мне казалось, что счастлив может быть лишь облеченный властью, занимающий почетное высшее место в общественной иерархии, что самореализоваться можно лишь в великих свершениях, в делах, изменяющих окружающую действительность.

Мечтая об этом, мысленно я создавал империи, вершил судьбы народов, объявлял новые крестовые походы, разделял или сводил Восток с Западом, своей властью превращал ночь в день, возвращая миру справедливость и надежду. Тогда я был великий... Мечтатель.

Мой воображаемый трон возносился все выше. Оглядываясь в прошлое, я видел великих людей и великие свершения, но я был выше их... Мысленно.

И все же мои иллюзии, мои надежды для меня были почти реальны – ведь я верил в них... Вернее, хотел верить.

Так, живя мечтами, я презирал повседневную реальность. Мои амбиции требовали большего, но вокруг была лишь скучная обыденность – мелкая и пустая. Не было в ней полёта, блеска славы, грома небывалых побед. Окружающее казалось мне низким и тесным.

Но я ошибался. Я понял это, встретив однажды обычно-

го человека, вполне довольного своим существованием в настоящий момент. Он был счастлив потому, что ему удалось, наконец-то, починить свою кофеварку. И теперь он пил кофе, гордясь собой и своим небольшим, но важным для него достижением.

– Как можно радоваться такому пустяку? – спросил его я.

– А почему бы и нет, – ответил он, – жизнь складывается из маленьких побед...

Закон горизонта

Вдали я видел горизонт. Я так хотел туда попасть, я мечтал его достичь и разгадать его секрет. Я знать хотел, что он таит и что скрывает от меня. Что там за ним? Что впереди? Я знать хотел, но я не знал.

И странно, ясно видел я – на горизонте человек, стоит и гордо смотрит вдаль. Он впереди, и он велик, сейчас свою достиг он цель и отдыхает от трудов, затраченных на долгий путь. Я думал, что и вправду он догнал бегущий горизонт. И мне казалось, что ему доступно больше, чем другим, и то, что скрыто от меня, легко возможно для него. Так думал я и, может быть, слегка завидовал ему.

И я хотел когда-нибудь достичь заветный горизонт с древнейших лет, зовущий нас вдаль за собой, все дальше в даль.

Вперед! Пред мною долгий путь. Быть может много сил и лет он будет стоять мне, пускай! Я все равно достигну цель, я так решил и будет так.

Я долго шел и наконец я поравнялся с тем, кого я видел много лет назад стоящим впереди себя и покорившим горизонт. Я поравнялся с ним и что ж?! Стоит он там же где стоял, я рядом с ним, но горизонт все так же где-то впереди, и от меня, и от него далек как в первый день пути, на протяжении которого мы все от горизонта одинаково далеки. Я осознал, что *горизонт, как и мечта не достигим в реально-*

сти, поскольку оба всякий раз отодвигаются от нас на то количество шагов, что совершаем к ним мы.

Еще я долго шел вперед, но оглянувшись как-то раз увидел смутно те края, откуда начал я свой путь, и там был тоже горизонт, а я был здесь, и мир вокруг.

Относительность

Во сне я видел прекрасный дворец, окружённый цветущим садом, а проснулся в убогой хижине посреди выжженной солнцем пустыни. Но какая разница? Ведь и здесь человек может быть счастлив, и там – несчастен.

Истинный мир

Один и тот же мир они видели абсолютно разным. Одному он казался ярким и радостным, другому – унылым и тусклым. Один считал мир привлекательным и дружественным, другой – отталкивающим и враждебным. *Так каков же мир на самом деле? Чьи глаза видят его таким, какой он есть? Кто прав из них, кто ближе к истине? Прав тот, кто счастлив, хотя это и эгоистично.*

Меланхоличная сентенция

...В то утро старый привратник был сильно пьян.

– Почто пьешь, старина?

– Как не пить, ваша милость, – праздник!

– Праздник? – удивился я. – А какой?

– В старости – проснулся, уже и праздник...

– О чем же тогда ты грустишь? – снова спросил его я.

– Как не грустить, ваша милость... Вот, был я когда-то

молод, и хотелось мне славы, любви и шампанского! Но мо-

лодость моя прошла... Славы я не достиг, любовь оказалась

обманом, шампанское выдохлось, а от водки болит голова...

Как же мне не грустить, ваша милость?..

Рыцарский клуб, или Десятый герой

Мне приснился однажды старинный замок, в главном зале которого собрались провозвестники рыцарства и лучшие его представители. Здесь были Владимир Мономах и Ричард Львиное Сердце, Пересвет, Дон Кихот, Александр Невский и многие другие. Шло секретное заседание полного состава рыцарского клуба. Председательствовали девять героев мира², восседавшие в золотых тронных креслах. Но золотых кресел было десять, и одно было не занято.

Указав на пустующий трон, Готфрид пояснил мне: «Десятое место свободно... – и печально добавил: – уже почти тысячу лет...»

2005 г.

² Девять героев мира (в некоторых вариантах «Девять мужей славы») – в средневековой европейской культуре девять величайших в истории героев. Таковыми считались библейский вождь, преемник Моисея – Иисус Навин, библейский царь, герой, победивший великана Голиафа, и псалмопевец Давид, библейский герой, освободитель своего народа Иуда Маккавей, Александр Македонский, герой Троянской войны Гектор, Юлий Цезарь, король Артур, император Карл Великий и герой первого крестового похода герцог Готфрид Бульонский.

Ночной часовой

(художественное размышление)

День догорал в пламени артиллерийских залпов. Подбитое солнце падало за горизонт. Затерянная в войне, моя цитадель за прошедший день выдержала немало атак. И теперь мне предстоит ещё одна – на штурм идет ночь. Сумерки окутывают поля сражений. Над землёй клубится пороховой дым – там ещё стреляют, но в небе уже загораются первые звёзды – души погибших зажигают фонарики. Пехота идет на небо.

Молча заступаю на вахту. Вдалеке слышны глухие разрывы, это стреляют в меня, шрапнель с воем проносится рядом и застревает в рыхлой земле. Кругом опасность, и вроде бы ничто иное не существует, а я между тем успеваю заметить закатное небо и вечерние облака. «Как прекрасно подобраны краски и как искусно смешаны цвета, – искренне восхищаюсь я, и совершенно не своевременная, но отличная мысль приходит вдруг голову: «Бесспорно, небо – лучший в мире художник... И как красиво сверкают звёзды...».

Впрочем, мне сейчас не до этого. На мне большая ответственность: я сторожу жизнь! Не струсить, не отречься, не отступить! И если вверенное моей бдительности просуществует хотя бы ещё один миг – я уже победил! – и с каждой секундой я укрепляюсь в своей победе.

А темнота сгущается. Мрак окружает меня. Я знаю, что сбитое зенитками солнце лежит в траве, там у оврага. И вроде бы можно было пойти и посмотреть, что там с ним, как оно, но почему-то я не решался.

Ищу свет. Вновь смотрю на звёзды. И не вижу их! От того, что всякая война убивает чувство прекрасного. И потому мне нужен мир! За это я и сражаюсь! Я хочу вновь получить право видеть свет, хочу, чтобы звёзды светили и для меня! Но сейчас вокруг так темно... Только бы дождаться утра... Завтра танки пойдут в атаку...

Пристально вглядываюсь в ночь. Вокруг непроницаемая темнота. Земля и небо слились во мраке. Где-то между ними у невидимого сейчас горизонта проходит автотрасса. Изредка, сверкая фарами, по ней проезжает транспорт. Маленькая светящаяся точка проносится сквозь пустоту ночи и исчезает в неизвестности, как падающая звезда. Я знаю, это всего лишь машина, но так похоже на полёт кометы!.. Иной раз и искусственно созданная человеком техника повторяет первозданные формы природы.

А на позиции падают бомбы... Как раненый волк, крепость воеет на луну сигналами воздушной тревоги. Сейчас я стою целой армии. И я один против всех армий противника. И я отвечаю за все, ведь я один не сплю в крепости. И от того на мне тяжёлое бремя – я думаю: каким будет утро? И вдруг начинаю думать о человечестве. Кто сторожит его? Ведь в космосе всегда ночь... Как могут они спать, *не выставив ча-*

совых?!

Любая жизнь всегда под угрозой. Ведь как не приспособлена к жизни Земля, со всеми своими песчаными и арктическими пустынями и резкими перепадами температур. Но между тем это самая живая из всех планет... И Ей и Спящему Человечеству нужен Мировой Часовой...

...Эту войну я начинал в авиации. Помню, как мне, амбициозному и мечтательному молодому лётчику, сказали тогда:

– Тебя всё равно собьют... Такова статистика...

– Ну что же, – ответил я, – раз так, *то пусть собьют над Парижем.*

Увы, мне не повезло, меня сбили не над Парижем. Я продолжал витать в облаках, пока разочарование не сбросило меня оттуда и не придавило на грешной земле. И вот в этой маленькой и безнадёжной крепости я веду свою битву, один против ночи и темноты.

– Поднимай пехоту в атаку! Я сам поведу войска в бой! – громко командую я... себе. Ведь я – генерал-лейтенант. Да, не удивляйтесь. Я главнокомандующий. Я отдаю приказания и стою на часах. Это моя крепость и моя война. *И кому же ещё быть часовым, как не мне?*

Это очень тяжёлая кампания. Иной раз приходит мысль погибнуть, лишь только бы прекратить её, хотя бы для одного себя. Но я не могу этого допустить. Ведь полководец, погибающий на поле боя, не герой, а дезертир. Он бросил свою

армию. Так мотивы, не всегда проявляясь в форме, определяют содержание.

...Тыл больше не мог ковать победу (*а победа всегда куётся в тылу, боевые действия лишь демонстрация*). Часы ударили трижды, и тьма сгустилась сильнее всего. Нужно было выстоять ещё сколько-то. Замерло всё, это был момент истины. А потом мы получили вдруг добрую весть: «Тыл снова куёт победу».

И где-то далеко на подёрнутом звёздным флером востоке забрезжил рассвет. И я увидел убитое накануне восходящее воскресшее солнце. И это было почти как Пасха. Война не бывает без жертв. Но от мёртвых не отрекаются. Надо продолжать воплощать погибшие истины, и, быть может, они воскреснут. Пусть это будет холодный рассвет. И может быть, империя будет в руинах. *Но за руинами будут видны контуры, руины берегут память...* Я сохранил чертежи и воспоминания, по ним я восстановлю храм.

Трудно возвращаться к жизни и созиданию, трудно, но необходимо. Возвращаться к жизни и созиданию. *Ведь полная победа может быть только в том случае, если восстановится ситуация, предшествующая началу войны.* И я говорю: «Господин генерал, вы ещё хотя бы помните, за что воюете?» Это я обращаюсь к себе. Важно не забывать об этом.

И завтра день снова будет гореть в пламени артиллерии, но им никогда не сбить солнце. Я убедился, что им это не под силу. Теперь я знаю, зачем я стоял эту ночную вахту, и

стоял не зря. Я понял: солнце взойдёт снова!..

...А за окном и вправду начинался прекрасный день и зоря стремительно охватывала небо. Предельно усталый после тяжёлой бессонной ночи, я наполнил чашку крепким горячим кофе, немного подумал и вылил туда приличную порцию коньяку, чтоб отметить победу. Город медленно просыпался, на улицах показались первые прохожие и автомобили, был вторник, люди, не знавшие обо мне, шли на работу.

А вы неужели и вправду думали, что война – это только там, где стреляют? Сент-Экзюпери когда-то писал, что мир – это определенный порядок, нарушение этого порядка – война. И в жизни каждого живого существа таких войн множество, когда рушится привычная система координат, и эти войны – страшны, и каждый действительно живший человек хотя бы раз стоял свою ночную вахту.

2013 г.

Святая земля

(рассказ крестоносца)

Жизнь не бережёт крестоносцев. Но Бог хранит защитников веры. И с Божьей помощью прошёл я нелёгкий путь до самого Иерусалима, сражаясь во славу Христа и Отечества за освобождение Гроба Господня.

Я шел за знаменем, поднятым моим временем. И таких, как я, в ту пору было немало. Многие оставили родные дома и, нашив на одежду кресты, отправились на восток в чужие неведомые страны вслед за великой идеей, за мечтой, властвовавшей над веком, слившись в едином порыве и едином возгласе: «Бог того хочет».

Это были младшие сыновья благородных фамилий, получившие в наследство лишь коня да доспехи, разорившиеся феодалы, знатные сеньоры, жаждавшие вечной славы и королевских корон; много было и простого народа: бедняков, монахов, искателей приключений. Но я...

Я был представителем того редкого романтического типа рыцарства, который в литературе встречается чаще, чем в жизни. Несправедливость и несовершенство, которых было очень много вокруг, огорчали меня сильнее, чем других, и вынуждали действовать. Я пытался исправить этот мир, переделать его. К сожалению – безрезультатно. Действитель-

ность была сильнее, но я не подчинялся ей. Я был бесстрашен, бескорыстен и независим. Помощи я просил лишь у Христа и лишь пред ним преклонял колени. До королей и епископов мне не было дела. Я верил лишь в честь. Никогда не стремясь стать первым, я не потерпел бы того, чтобы быть вторым. Сам проявляя снисходительность к другим, я не выносил её в отношении себя. Милость задевала не меньше, чем оскорбление, и ни того, ни другого я не прощал. Я был мечтателем и идеалистом. Жажда свершений и ощущение пустоты бытия преследовали меня неотступно.

Я долго бился за чужие мечты, за идеи, в которые не верил, и никогда не достигал целей, которых и не было у меня в ту пору. И на этом поприще я изрядно загубил свою душу и накопил много долгов, да и мне многие задолжали... Но я не платил и не взыскивал.

Я разочаровался в реальности жизни, я устал от Европы. Но я верил в Святую Землю, где все должно быть совсем не так. Я искал рай на земле.

Все крестоносцы стремились к спасению души и богатствам востока. Кто-то больше думал о вечном, кто-то – о земном. Я же просто верил в Землю Обетованную, верил и искал её.

Была осень 1097 года. Чувствуя приближение зимы, птицы с печальным криком поднимались на крыло и покидали родные края, увлекая за собой сердца мечтателей и героев. Вся Европа пришла в движение. С пением гимнов и псалмов,

под звуки труб и литавр, неся пред собой распятыя, по дорогам шли крестоносцы, уносясь на восток с перелётными птицами и уподобляясь им. Ни позже, ни прежде за всю историю человечества никогда не были люди так похожи на птиц, покидающих дом осенью, в надежде вернуться весной. Пилигримы-крестоносцы, религиозные странники, войны-паломники – *перелётные птицы Средних веков!* Вернётесь ли вы когда-нибудь? Настанет ли ваша весна?

Я ушел вместе с ними. Был ясный и чистый холодный день, полный света и воздуха, деревья роняли последние листья в пожелтевшую траву, дул ветер, дышалось легко, и каждый звук отдавался в опустевших осенних просторах далёким эхом. Мир был огромен...

Покидая дом, я видел парящего в небесной лазури орла. «Ты летаешь высоко, – крикнул я ему, – видно ли тебе Святую Землю? Далеко ли она?» Быть может, мне показалось, может быть, это ветер шумел... Может быть... но я ясно услышал: «И парю я над грешной землёй, всё вижу. А Святой Земли нет. Некуда спуститься».

Нет Святой Земли – вся грешная.

А поход продолжался и набирал силу. Казалось, весь христианский мир собрался под знаменем Креста. Мы шли все дальше и дальше на восток; и когда позади остался православный Константинополь и не слышно было больше звона византийских колоколов, я ощутил вдруг тоску и усталость.

Был вечер, вокруг расстилалась знойная и враждебная

Анатолия. Мы впервые встретились в бою с нашим противником и одержали первую победу над ним. Но настроение было подавленное. Предводитель, укрепляя моральный дух войска, говорил, указывая на закат: «Даже солнце кланяется нам». Но никто не слушал его. Все понимали, что это лишь середина пути и выдержать предстоит ещё многое. И в этой мысли я внезапно обрёл утешение.

«Полдороги пройдено, – сказал я себе. – А кажется, что дом мы покинули лишь вчера. Значит, мы вернёмся *завтра*».

А поход продолжался. Сражение следовало за сражением, город за городом. Мы страдали от невыносимой жары, царящей в тех далёких краях, от сухих ветров, бьющих в лицо песком и пылью, от жажды и голода, от ранений, полученных в битвах, от непроходящей усталости.

Но даже теперь, израненный и измождённый, я, пока бьётся моё сердце, оставался львом. И по-прежнему шакалы боялись меня и не решались приблизиться. Пока бьётся моё сердце.

А поход продолжался, увлекая нас дальше.

Мы подошли к Антиохии, мощной древней крепости, являвшейся ключом к Сирии. Иерусалим был уже совсем близко, и крестоносцы воспряли духом. Но предстояла долгая и тяжёлая осада, которая продлилась почти год и очень многим стоила жизни.

Не было никакой надежды сходу взять Антиохию. На вы-

сотах, находящихся к востоку от города, мы разбили лагерь и приготовились ждать, когда крепость сама откроет перед нами ворота. Но мы просчитались. Продовольствие закончилось у нас раньше, чем у врага. С конца осени установилась дождливая сырая погода – люди начали болеть. Наше положение было по-настоящему тяжёлым. Я не стану омрачать рассказ подробным описанием тех событий, скажу лишь, что это было самое трудное испытание из тех, что выпали на нашу долю, и многие не выдержали его.

Жизнь под Антиохией была беспокойной: сарацины то и дело нападали на нас. Однажды невдалеке от лагеря я и несколько моих товарищей попали в засаду. «Держаться! И строй держать!» – крикнул я, выхватывая меч. Закипела яростная битва. Я сражался один на один с сарацином, который превосходил меня в росте, но уступал мне в мастерстве владения мечом. Ловким ударом я выбил из его рук оружие и собирался пронзить его, но сарацин упал предо мной на колени, взывая к моему милосердию. Занеся над ним меч, я тихо произнес: «Милосердие — добродетель, но я – солдат».

– Ты солдат, но милосердие – добродетель, – остановило меня Провидение...

Я отпустил сарацина.

Дни, полные треволнений, пролетали быстро, но вечера в Антиохии тянулись медленно. Обычно я одиноко стоял на берегу Оронта и либо бросал в воду камешки, либо подолгу смотрел в бездонное небо Сирии.

В конце концов Антиохия была взята в результате удачной ночной атаки. Мы двинулись дальше.

Прошло ещё немного времени, прогремело ещё несколько сражений, и мы подошли к конечной цели нашего пути – к Иерусалиму. Вот он, Святой город! Святая Земля!

В ночь накануне штурма я не мог уснуть. И никто не спал. Крестоносцы готовились к предстоящему бою, проверяли оружие и доспехи, молились и пели. Один гимн я запомнил:

Ночь тиха над Палестиной.
За Спасителя Христа!
С праведною крестной силой,
С силой веры и Креста!
Мы проделали нелёгкий
Путь от дальних берегов,
Принося в Святые Земли
Избавленье от врагов.
Славен наш Господь в Сионе,
Славно воинство креста!
Кто не думает о троне
В древнем городе Христа?
Дуют ветры нам навстречу,
Да с восточной стороны,
Но не гаснут в храмах свечи,
Озаряя мрак войны.

А потом был штурм, стремительный и безжалостный. В конце того долгого дня я стоял посреди освобождённого, но разрушенного города с мечом, обагрённым кровью врагов, и думал, что вот теперь я достоин Царства Божьего. Но вдруг не то произнес, не то услышал: «Вот теперь точно нет».

– Жаль, – сказал я вслух и вложил меч в ножны, бой был завершён.

На потрясённые равнины
С небес спустилась тишина.
Сухое солнце Палестины
Слепило душу и глаза.
Пред мной открылось поле битвы —
Я не могу сдержаться слёз.
Я слышу стоны и молитвы.
Но не оставит нас Христос.

Я поклонился святым местам, зажёл лампадку в храме Гроба Господня и отправился в обратный путь, в Европу, по которой даже успел соскучиться.

«И парю я над грешной землёй... А Святой Земли нет... нет... нет», – слышалось мне.

Шло время, и однажды я увидел вдали родной берег. «Ну, вот и наступило наконец завтра», – подумал я.

Дома меня встретили как героя. А может, я и вправду был им?..

Эти события происходили очень давно, и большей частью далеко отсюда. Сложный узор того противоречивого времени был сплетён из всех человеческих пороков и добродетелей. Это была эпоха контрастов и противоречий, обретений и потерь, надежд и разочарований – эпоха крестовых походов.

Я рассказал историю о мужестве и чести, о жестокости и милосердии, о западе и востоке – историю рыцаря с душой крестоносца и сердцем льва.

2007 г.

Цикл стихотворений «Путь крестоносцев»

Прошлое

Старинного писателя старанья
Хранят донныне древние преданья:
О доблести и чести, о пирах и битвах,
О днях, прошедших в мыслях и молитвах.
В те времена являлись миру щедрость, храбрость,
Но также трусость или жадность.
Прошла побед, затем и поражений череда.
Тому минули многие года...
Ушли в историю и Саладин, и Ричард I,
Коварный сарацин, и рыцарь, долгу верный.
Давно закончена старинная война,
Но память про неё ещё жива.

Крестоносец

Бедность – его богатство.

Бденье всю ночь – его сон.

Доспех – дорогое убранство.

Простое седло – его трон.

Беден он, но благородством

Равен с самим королем.

Честью, отвагой, упорством

Он, как никто, наделен.

Святая земля погибает

Под натиском варварских орд.

Рыцарский долг призывает:

Немедля в крестовый поход.

Плащ крестоносца надел он

Взял с собой храбрость и меч.

Впереди – великое дело,

Сотни верст и безжалостных сеч.

В раскалённых песках Палестины

В раскалённых песках Палестины,
Над пустыней, где ветры шумят,
В раскалённых песках Палестины
Погибал крестоносцев отряд.
Путь лежал их к далёкому Тиру,
Но попали в ловушку они.
Сарацины жестокою виру
Взяли с них за лишенья свои.
С трех сторон окружённый врагами,
Отступал в беспорядке отряд.
«Королю пировать уж не с нами, –
Крикнул кто-то. – Ни шагу назад!
Станем здесь! Победим иль погибнем,
То не важно, а важно, что честь
Не уроним мы, хоть и сгинем,
Защищаясь, пока силы есть.
Так смелее! В сраженье! В атаку!
Ни о чём не жалея, вперёд!
Не впервой в безнадежную драку
Нам вступать за престол и народ!»
Это было в песках Палестины,
Над пустыней, где ветры шумят,
Это было в песках Палестины,

Где бесстрашно сражался отряд.
Чем закончился бой, неизвестно.
Потерялась в веках о том весть.
Но и нынче поёт ветер местный
Про отвагу, надежду и честь.

Воспоминания крестоносца о Родине

Шёл рыцарь по песку, о доме вспоминал,
В котором рыцарь тот давно уж не бывал.
Устало рыцарь шёл, о Родине грустил,
Об этом тихо он с песками говорил:
«В пустынях в полдень нестерпимый зной,
Здесь скрасит ночь шакала вой,
Того, кто долго жил среди песка,
Поймает в сети горькая пустынная тоска.
Он заскучает по родным местам,
По ясеням, березам и лугам,
По речке, что течет в тени холма, —
Вода в ней так чиста и холодна.
И воздух Севера так чист,
И солнца свет там так лучист!..
Но это в прошлом. Нынче ветра вой и хруст песка —
Тоска! Пустынная тоска!..»
Но держит крестоносца долг в пустыне:
Идет война, все рыцарство здесь ныне.
И побывать в родной стране
Тот воин может лишь во сне.

Баллада о благородном рыцаре

Измученный жаждою, зноем томим,
Устало на Родину шёл пилигрим.
Он шёл по дороге, что к морю вела,
Дорога была и трудна, и длинна.
То был крестоносец – отважный герой,
Крушил сарацин он нещадной рукой.
В сверкающих латах, на белом коне,
Таким он столь ясно представился мне.
Но войско разбито, утрачена цель.
Устал он смертельно от битв и потерь.
Домой бы скорее, в родной бы феод,
Где сестры тоскуют, отец его ждет,
Где ярко пылает старинный камин...
Об этом вздыхал и грустил паладин.
В новом белом плаще с ярко-красным крестом
Он ушел на Восток – не жалеет о том,
Но в бесчисленных битвах лишился друзей,
За каждого мстил он десятком смертей.
Был он ранен не раз, много горя видал.
И теперь он от этого очень устал.
Там, где вязы шумят,
Где над отчим именем солнце встаёт,
Он теперь от забот и тревог отдохнёт.

«Пусть разбиты войска, пусть утрачена цель,
Пусть устал я смертельно от битв и потерь,
Но война есть война – ей другой не бывать,
Я исполнил свой долг, ни к чему горевать.
Скорее, корабль, на Север вези!
Туда, где ручей серебрится в тени,
Где поля простор, где могучи дубы,
Где пахарь ведёт свои тяжки труды,
Где рощи прекрасны, где быстры олени
И где я забуду войну и потери...»
В раздумьях таких паладин молодой
Взошёл на корабль и отплыл домой.

Завершение крестовых походов

На равнинах и на взгорьях серебрился лунный луч,
А по краю небосвода шли угрюмо стаи туч.
Пахло вереском и грустью, ветер шелестел травой,
По дороге ехал странник с вестью скорбной и дурной.
По дороге ехал странник, возвращался он назад,
Вспоминал своих друзей он, слышал гулкий он набат.
Вспоминал он, как когда-то побеждал во всех боях,
Как гремела его слава во всех землях, всех краях.
Как в бесчисленных сраженьях побеждал и побеждал,
Ну и вот настали сроки: жаль, теперь он проиграл.
Нынче ехал ко двору он, королю сказать о том,
Что проиграно сражение, а итог войны – разгром:
«Последний оплот был потерян, уж нынче не нам пировать».

Мы всё потеряли, и снова бессмысленно спор затевать.
Довольно рубить доспехи, довольно ломать щиты,
Мечи затупились, устали солдаты, покоя и сам хочешь ты.
Войной не решишь ты вопроса, подумай о том, король,
Как вспомнят тебя потомки, какую сыграешь ты роль!»
Так скажет гонец государю, а что же ответит король?
Как вспомнят его потомки? Какую сыграет он роль?

Воспоминание о крестовом походе

Вновь Сирия и Палестина пред нами,
И вновь лучи солнца сверкают на стали.
Вновь знамя с крестом вижу я пред собой,
Вновь кони несут нас в безжалостный бой.
Мой меч – мой товарищ. Он вместе со мной
Прошел путь, проложенный этой войной.
Он верно служил мне, а я – королю
В жестоком и странном восточном краю.
Мы шли сквозь пустыни и битвы вперёд,
Мечом усмиряя арабский народ,
Но горько смеялся над нами песок...
Таким я запомнил далёкий Восток.

2004 г.

Цикл стихотворений «Без претензий на достоверность»

Странник

Он в лодку садился и плыл наугад,
Дул северный ветер, он был ему рад.
Он был безрассуден, был весел, был смел.
По морю кораблик не плыл, а летел.
Его впереди ждали дальние страны,
Друзья, и враги, и шторма, и туманы.
Его ожидали находки, потери,
Дворцы и пустыни, и зной, и метели.
Он долго по миру скитался тогда,
Возможно недели, возможно года.
Все стороны света объехал герой –
Настала пора возвращаться домой.
И снова скитанья, морские труды,
Нехватка провизии, пресной воды...
Но все нипочём – ведь он молод и смел,
И снова кораблик по морю летел.

Мираж

Князь дела позабросил державные,
Снял корону, вложил в ножны меч,
Позабыв свои подвиги славные,
Сбросил алую мантию с плеч.
Скучным стало казаться правление,
Князь от жизни другого желал.
И однажды, отринув сомнения,
Из дворца своего он сбежал.
Слышал князь, будто есть за морями
Замок, из серебра отлитой,
Охраняемый гордыми львами,
Окружённый хрустальной стеной.
В замке том нет тоски и печали,
Каждый в нём, что искал, – обретёт.
Как попасть туда – слухи молчали,
Но решил князь, что замок найдёт...
И долгие годы его он искал,
Надежду найти не теряя,
Но хрупкий мираж от него ускользал,
Мечты его в прах разбивая.
Мечта, словно птица, летит высоко,
Её не поймать, если только сама не позволит,
И каждый бежит вслед за ней далеко,

Но вовсе не каждый когда-нибудь ловит.
И князь, утомившись в погоне за ней,
В своё государство вернулся.
В родной стороне среди старых друзей
От власти иллюзий очнулся.
Он занялся тем, что достойно его, –
Стал править разумно и верно.
Судьбу государства вершить нелегко,
Но всё же не скучно, наверно...

Сны государя

В столице был праздник. В тот день наконец
Был выбран преемник на трон и венец.
И слава о том прогремела, как встарь –
Вступил на престол молодой государь.
Он должен был править печальной страной,
Ветшающей, бедной, наивной, простой.
Ему надлежало на старых корнях
Взрастить свежий сад в тех унылых краях.
Жил в том государстве обычный лесник,
В те годы доход его был невелик.
Его день был полон тяжёлых работ,
Во сне лишь он мог отдохнуть от забот.
А снилось ему, будто он государь,
Вокруг него злато, алмазы, хрусталь.
Его жизнь вольготна: он горд и богат,
Он царь, а не нищий, и этому рад.
И спал государь, но во сне себя видел
Простым лесником, у которого скромный удел,
Но который при этом безмерно свободен.
Любой же правитель – заложник великих проблем.
...Спустя много лет, когда в эту державу
Пришли благоденствие, правда и слава,
Когда государь, от лесов и болот,

Возвысил страну до имперских высот,
Лесник перестал видеть сны о престоле.
Ему снились солнце и тёплое море,
Он счастлив был жизнью, в достатке живя,
Так жил он и дальше, судьбу не кляня.
И спал государь, но, как в юности, видел
Себя лесником, у которого скромный удел,
Но который при этом безмерно свободен.
Правитель же – *вечный* заложник великих проблем.

Как жаль, что исчезли драконы

Как жаль, что исчезли драконы –
Мир выцвел, легенды ушли,
Ржавеют мечи и короны,
В наш век места им не нашли.
И рушатся замки и троны,
Тускнеют доспехи и честь.
Жаль, рано исчезли драконы,
Ведь рыцари всё ещё есть.

Герои века замков и знамен

Был вечер прохладный, кончался апрель.
На рыночной площади пел менестрель.
Героем той песни был гордый король,
Которому выпала сложная роль:
Быть трудно правителем, вдвое трудней
Правителем быть, полным сил и идей,
Быть честным в суде и отважным в бою,
Уместным на троне и в конном строю.
Но в сто раз трудней королем быть тому,
Кто править достоин по силам, уму,
Но волей судьбы был лишён от рожденья
Наследственной вотчины, царства, владенья.
По крови король он, но только давно
Уж стёрто с земли королевство его.
Лишь гордое имя и герб родовой
Остались как память о славе былой.
И рыцарь, последний вассал короля,
С тоскою смотря на родные поля,
На собственный замок, лежащий в руинах,
На холод погасших навеки каминов,
Грустя говорил: «Время мчится вперёд,
Меняются взгляды, дела и народ.
Шли годы, и рыцарство кануло в Лету,

А меч, заржавев, уступил пистолету.
Я был рожден для замков и знамён,
Но не для нынешних времён».
Так пел менестрель, только пел он напрасно.
Хоть голос его звучал чисто и ясно,
Не понял никто этой грустной баллады.
Но он и не ждал этой редкой награды.

2005 г.

Цикл стихотворений «Лента времени»

О России

Не воспеть ли нам, как раньше, были давней старины,
Дух истории и славу той загадочной страны,
Где леса, сменяясь степью, обрываются в морях,
Где в веках живут преданья о героях и царях.
Где в кремлях и древних храмах слышны времени шаги,
Где просторы необъятны, а дороги так долги,
Что от края и до края не дойти, не долететь...
Да! В Россию стоит верить, о России стоит петь.

Память веков

Течет славянская река
Из глубины тысячелетий.
По берегам вижу: храмы, города,
Кремли, погосты, старики и дети.
Я вижу битвы древних дней,
И тех красавиц синеоких,
Что взглядом тормозят коней
На кручах над рекой высоких.
Я вижу гордые ладьи,
Плывущие как лебедь белый,
И тех героев, что они
Несут, стремглав, на подвиг смелый.
Я слышу здесь родную речь
И звон малиновый над бором,
Когда по утрам загудят
Колокола вдруг разговором.
Застолье с хлебом на полях,
Когда заколосятся нивы,
Манит к себе, и второпях,
Спешу на гусель переливы.
Здесь чарка с квасом так пенна,
И свеж зеленый лист березы,
И песнь удалая легка,

И в ней и радость, в ней и слезы.

И полноводная река,

Дунай иль Волга, иль Ока,

Несется быстро сквозь века,

Как по лазури облака.

Гусляр слагает о Вольге...

О ветре, солнце и луне,

О волнах, что несут ладью,

О гибели в чужом краю.

О светлой и Святой Руси,

Которую, Господь, спаси.

Слагает о богатырях,

И злобных силах – их врагах.

Река гудит, река несет,

Гусляр играет и поет...

Послушав, хочется и мне

Спеть о Руси – своей стране,

И в памяти веков остаться

Певцом славянства,

Как Боян остался.

Откуда пошла Русская земля

То правда иль вымысел, точно не зная,
Раскрою пред вами истории ход:
Давно это было... На берегах Дуная
Жил смелый и вольный славянский народ.
Текли за годами столетья, и время,
Свой бег совершая, влекло за собой
Народы и страны. Славянское племя,
Проникшись эпохой, забыло покой.
Дунай стал им тесен, они устремились
На поиски новых пространств и границ.
Одни поколения другими сменились,
Добавилось в летопись много страниц.
Но их пропущу я и дальше продолжу
Историю эту с момента того,
Когда покорились труду и оружию
Славян земли многие мира сего.
Славянские земли богаты, просторны,
Но нет в них порядка, и власти в них нет.
Славяне отважны, горды, непокорны,
Свободны они с незапамятных лет.
И каждый себе сам слуга и хозяин,
И сам за себя, и один против всех.
Итог такой практики часто печален:

В такой обстановке немислим успех.
И, видно, устав от вражды и безвластья,
Один из старейшин славянам сказал:
«Найдём себе князя – исчезнут несчастья.
Пускай нами правит, лишь меру бы знал».
И, внемля совету премудрого старца,
Из дальней страны, из-за синих морей
Славяне просили прийти и остаться
Трёх братьев-варягов, трёх русских князей.
Князья согласились, и с этой минуты
Начало Руси. Время дальше идёт,
Идёт напрямик сквозь победы и смуты
И нас через них за собою ведёт.

Размышления летописца

Святая Русь!.. Колокола
Звонят к заутрене протяжно.
Вздыхая, смотришь из окна.
Все в даль глядишь. Куда? – Неважно.
За горизонтом горизонт, за далью даль, за годом годы.
О прошлом будут много лгать,
Ведь прошлое сокроют воды.
Но правду сохранит тетрадь.

Былина

Выходили богатыри на дорогу,
Поклонились порогу, помолились Богу,
И поехали на простор в чисто поле
Судьбу и отвагу испытать на воле.
А навстречу им басурманская сила.
Говорят: «Русские! Тут вам могила!»
Но пришпорил старший богатырь Сивку-Бурку,
Налетел на врага, где была рать – быть проулку.
Закипела тут сеча великая,
И рассеялась толпа многоликая.
На горе врагам, на отраду славянам
Говорят богатыри басурманам:
«Тут не русским в могиле быть!
Басурманам в могиле стыть!
По Руси-матушке не ходить,
Нашего хлеба не топтать,
Наших жен в полон не брать!
В земле лежать!»
Отвечают из-под земли басурманы:
«Победили вы нас, руссы-славяны.
Но за нами еще одна сила идет!»
А по ветру уже пыль несет.
Пыль от тысяч копыт поднимается,

Дикая конница на равнину врывается.

Тут копьё берет богатырь средний,

Крестится как в бой последний,

И несется на врагов в атаку,

Колет, топчет их, бьет без страху,

Пока не одного вокруг не осталось.

«Что, враги, опять вам досталось?»

Отвечают ему мертвые кости:

«Жди, богатырь! Идут третьи гости!»

И опять на равнине черным-черно.

Тогда младший богатырь садится в седло.

Бьет врагов трехпудовой палицей,

А они словно щепки валяются.

Вдруг со всех сторон идут черные полчища.

Разевает на Русь пасть свирепый волчище.

Собрались богатыри совет держать.

«По одному им отпор не дать! –

говорит богатырь средний, –

Надо вместе идти». «Не с руки мне, –

Возражает богатырь младший, – Кому слава тогда доста-

нется?

На троих делить – разломается».

А среди черных полчищ русские пленники,

Захватили их иноплеменники.

Издевается над ними хан, хочет вымучить.

А они ему говорят: «Смерть тебе! Нас богатыри выручат!»

Богатыри, средний с младшим, заспорили,
Не могут поделить славу ратную.
Но разнял их старший рукою булатною,
Говорит: «Не до славы сейчас! Русь защищать надо!
Своих спасем – вот и награда!»
И пошли богатыри вместе на лютый бой,
Сообща смогли побить черны полчища,
Их шатры и юрты огнем сожгли,
А детей и жен русских выручили.

Поучения Владимира Мономаха

Мне как-то сказывал монах
Деяния времён забытых,
Когда Владимир Мономах,
Военной славою покрытый,
Меч отложив, перо взял в руки
И на досуге изложил —
Не от безделья или скуки —
Для поученья и науки —
Своим потомкам, как он жил.
Как должно быть на этом свете.
Кто перед кем за что в ответе.
В чем суть начала и конца.
В чем тяжесть царского венца.
Как справедливо жить и править.
И как после себя оставить
Векам грядущим все, что есть
У человека: ум и честь.
И про великие походы,
Что от заката до восхода,
И сотрясают все народы,
И прославляют Русь.
Так Мономах писал когда-то:
«Ты почести отринь и злато,

Будь смел и честен, и тогда
Не зря пройдут твои года».

Последний рыцарь

Государь император Павел I –
Печальный романтик на русском престоле.
Одинокий, непонятый, несовременный,
Но все подчинялись его властной воле.
Огромной державы законный царь,
Великий магистр Мальтийского ордена,
Последний и первый российский рыцарь,
Верящий в ценности средневековые.
И в замках его, коли спросите вы
Ещё и сейчас: «Кто здесь правил?»,
На миг возвратится в мир дух старины,
И эхо ответит вам: «Павел».

2006 г.

Слово о полку Игореве

Пролог

Над степью ветер гонит пыль,
Следы истории сметая.
Чуть слышно шелестит ковыль,
Печально о былом мечтая.
Степь помнит много битв жестоких,
Столь часто омрачавших бег,
Тех дней ушедших и далёких,
Не знавших двадцать первый век.

I

Начнем старыми словами
Повесть о печальных днях,
Славных ратными делами
Князя в половских степях.
Не по замыслу Бояна,
По былинам той поры,
Начинаем эту песню
В память русской старины.

II

Звоня в прадедовскую славу,

Стремясь вернуть Тмутаракань,
Ища на половцев управу
И случай пустить в дело сталь,
Князь Игорь, не теряя время,
Собрал полки свои, и вот
Вступил он в золотое стремя,
И войско двинулось в поход.
Ему путь солнце заступило тьмой.
Но русский князь не внял знаменью.
Он вел дружину за собой
И не хотел бежать от тени.

И войско в половецких степях
На быстрых понеслось конях
Навстречу будущей судьбе.
Что, князь, пошлёт она тебе?
Так наступил тот день и час,
Когда печальным стал рассказ.

III

Меркнет ночь. Зори свет возвещают.
Русь осталась за дальним холмом.
На реке на Каяле встречаются
Русский полк половецким полком.
Тут быть грому великому, идти дождю стрелами.
Войскам сходиться стеной со стенами.

Мечам побиться о шлемы аварские,
Круша ряды и полки басурманские.
На реке на Каяле, у Дона Великого.

IV

Шум сраженья умолк –
Стяги Игоря пали.
Пал в бою его полк,
Живых в полон угнали.
Воинов Игоря жаль.
Невесёлое время,
В русских землях печаль:
Война – тяжкое бремя.
Жёны горько рыдают
О погибших бесславно.
От Днепра до Дуная
Слышен плач Ярославны.

V

Тучи чёрные двигались с моря,
На Русь бурю несли и ненастье.
Застонал тогда Киев от горя,
А Чернигов – от вражьих напастей.
А князья спор вели меж собой
И, мечи вынимая из ножен,
Вызывали брат брата на бой,

Говоря: «То – моё, но и это моё же».
Годы междоусобиц темны и долги.
Принося беды и разорения,
Шли с победой на русскую землю враги,
Разрушая и грабя селенья.

VI

Тогда хула сменила славу,
И заменял веселье страх.
И дней спокойных достоянье
В ту пору обратилось в прах.
И гибнет Русь, пока князя
Куют крамолы друг на друга.
И это горькая стезя,
Идти которой очень трудно.

VII

Вновь луч надежды засветился
И разогнал печаль и грусть,
Когда князь Игорь возвратился
Из плена на Святую Русь.
Запели девы на Дунае,
И радость ожила в сердцах.
Во всём широком русском крае
Забыли про недавний крах.
И зашумели сёла, грады,

Свивая золотую нить,
И пелись почести и славы...
Но храброго полка не воскресить.

Эпилог

И смолкла степь. Рассказ окончен.
Всё так же шелестит ковыль,
Ход времени всё так же точен,
Всё так же ветер гонит пыль.

2006 г.

Цикл стихотворений «Осколки вечности»

* * *

Что правда!? Ночь – день,
Свет – тень, – все едино.
Где ответ? О чем вопрос?
В жизни все необъяснимо.

Что есть истина? Зачем
Вам ее искать по кругу?
Смысла нет, и вы ничем
Не поможете друг другу.

Время бросив в пустоту,
Вы за ним летите сами,
Отвергая простоту,
Неотложными делами.

* * *

Действительность порой весьма печальна.
Кто с этим не согласен – тот неправ.
Наверно, мир был лучше изначально,

А человек его испортил, не поняв.

Но, повинуюсь голосу рассудка,
Эмоции оставив в стороне,
Я вспомню, что всё это только шутка,
Что всё не более реально, чем во сне.

Что было – то минуло,
Что должно – то придёт.
Есть мудрое сужденье:
«И это тоже пройдёт».

* * *

Слякоть да печаль – дело длинное,
Как весна иль жизнь, хлопотливое.
Скучное, но в чём-то красивое.
Нужное, хотя и тоскливое.
Дождь идёт с утра и до вечера.
Мокро – за окном делать нечего.
А камин горит, разгорается.
День окончен – грусть продолжается.
А печаль моя гостя давняя.
И навек она влюблена в меня.
Мне порой она даже нравится,
Но сейчас пускай убирается.
А на небе уже звёзды ясные.

Мысли и слова все напрасные.
Жизнь течёт, и мир изменяется.
Все пройдёт, а что же останется?

* * *

На что мы тратим время, господа?
Ведь жизнь мимолетна, что тогда
Нам стоит в каждое мгновение вложить,
Чтоб понимать, что это вправду жизнь?
Ужели ворохи бумаг (а деньги тоже лишь бумаги),
Иль вздохи тщетной славы, иль скитанья
По миру без нужды и цели
Нам могут показаться смыслом бытия?
«Возможно» – скажет кто-то. «Нет» – отвечу я.
Весь день лежать лежмя – страдать от скуки.
Весь день вершить дела – устанут голова и руки.
Работа, праздность – все не то.
Все жизни смысла не прибавит.
Меж тем, вообще: жить – хорошо.
Что почти каждый разделяет.
И вот тогда вопрос:
В чем прелесть жизни человека?
Ответ, наверно, очень прост,
Но ищут все его от века.
И в этом маленьком стихе,
Ответа тоже не отыщешь.

Хотел ответить: «В красоте».
Да за банальность все освищут.

* * *

Средь спешки и грохота нашего века,
В дыму и угаре бессмысленных дел
Впустую проносится жизнь человека,
И пусто всё то, что он сделать сумел.

Разбив диалектикой вечности цельность,
Отбросив устои минувших времен,
Забыв, что такое духовная ценность,
Разрушило общество собственный трон.

И глупый вопрос повторяя без меры,
Живут люди только сегодняшним днём.
Идя без любви, без надежды, без веры,
К чему-то стремятся, забыв обо всём.

А вечность – в другом: в благородстве стремлений,
В эстетике света, в лазури небес,
В проверенной ценности древних творений
И в звуках весны, наполняющих лес.

* * *

В тишине среднерусских поместий,

Среди вишен и яблонь в цвету,
В ожиданье счастливых известий
Жизнь была, словно сон наяву.

Здесь прогулки в тенистых аллеях
Украшали минувшие дни...
Здесь январского снега белее
Возле окон берёзы росли.

Небо синее было высоко,
Зеленела трава на земле
В среднерусских поместьях – далёко...
Иль всё это я видел во сне?

* * *

Старый друг,
Оглянись вокруг.
Жизнь течёт, как вода.
Куда?
Все меняется, да?
Это просто беда.
Или нет?
Или да?
Дать ответ?
Никогда.

* * *

...Я не давал стихам названий,
Быть может, это было зря?
Мне не дадут наград и званий,
История не назовёт меня.

Нет ни собраний, ни изданий.
Воспоминания храня,
Я не давал стихам названий,
История не назовёт меня...

2006 г.

Цикл стихотворений «Последняя классика»

Заповедье

Сидит у дороги старушка
И яблоки продаёт.
А рядом стоит избушка,
Старушка в избушке живёт.

Стоит за избушкой церквушка,
Здесь слышен порой благовест,
В ней молится часто старушка
О счастье для тихих сих мест.

В церквушке икона Марии,
И свечки негромко трещат,
Есть также иконы другие —
Наверное, мироточат.

И по двору бегают Жучка,
И кошка под яблоней спит.
У бабушки в городе внучка.

Пёс лает, а кошка мурчит.

Иду я сквозь травы по лугу
И яблоко ем, что купил...
Земля, незнакомая плугу,
И травы никто не косил.

Я сел отдохнуть в тени сада
И вижу, взглянув наугад,
Пастушку, чью прелесть от взгляда
Не мог спрятать скромный наряд.

Я вижу: пасутся коровы
И так набираются сил.
Они веселы и здоровы,
Таких молоко я бы пил.

Пастушка дала мне с улыбкой
Попробовать их молока.
Она была стройной и гибкой,
Как свежий побег тростника.

Я помню всё это, как ныне...
Как мчались по ветру стрижи...
Мы были одни на равнине
И с ней целовались во ржи.

Сон на Троицу

Я намочу ладонь Святой Водой
И поднесу её к твоим губам.
Как много лет ты не была со мною,
Я этой встрече не поверил сам.

Быть может, что во сне под образами
Увидел я берёзу на холме.
И пристальной взглянув трезвевшими глазами,
Я понял, что так ты явилась мне.

Шумели в листьях ветры, как твой голос,
И ствол был бел и гибок, как твой стан.
На белизне её среди редких чёрных полос
Я видел контур твоего лица.

Ты вышла из листвы, словно русалка,
Спускаясь по зелёному холму.
Луч солнца силуэт объял твой ярко,
Раскрасив сарафан под хохлому.

Я поспешил тебе навстречу,
О кочки спотыкаясь на бегу.
Я думал, что тебя уже не встречу,

Всю жизнь ища в других тебя одну.

Как много было тех, в ком я твой образ
Пытался разглядеть, но не сумел. И вдруг
К заутрене раздался гулкий возглас
Колоколов на тысячах церквей.

Мы были вместе краткие мгновения,
Мой сон, развеявшись, с собою их унёс.
И звоном пробуждённый, не успел я
Задать тебе всего один вопрос.

Исчезла ты, опять меня оставив,
Растаяла в неведомой дали.
Я не успел сказать, в мечтах тебя представив,
Одну лишь фразу: «Имя назови...»

Понтий Пилат

Мучимый болью душевной, в тишине высоких палат
Он восседал на кресле – прокуратор Понтий Пилат.
Как дерево бурю – сломлен, он был в тот день и в тот час.
Ему надлежало судьей стать, тому – кто судья для всех
нас.

Пред ним пала ниц Иудея, он правил железной рукой.
Но вот отпустил он злодея, на казнь отправлен святой.
И Понтий Пилат, умыв руки, сказал пред жестокой тол-
пой:

«Его предаю я на муки, хоть должен был там быть дру-
гой».

Но, руки омыв пред народом, не мог того сделать с душой.
И груз тяжелел год за годом на совести тяжкою ношей.
Заложник судьбы и власти, в чём истина, он не узнал.
Пытался остаться бесстрастным, но все же он сам пони-
мал,

Что то, что свершилось по воле его иль других каких сил,
Быть может, простит казнённый, но сам он себе не про-
стил.

И так он влачил свои годы, терзаясь о том и скорбя.
Так вместе с Христом на Голгофе Пилат казнил и себя.

2013 г.

Цикл стихотворений «Отражения иллюзий»

* * *

Небо льётся дождями на землю,
Капли звонко стучат по стеклу.
Вдохновенью уже я не внемлю,
Лишь свиваю слова на лету...

* * *

Чего желать, к чему стремиться?
Что человеку суждено? —
Взмывает ввысь, как будто птица,
И камнем падает на дно...

Бесконечность

Из ниоткуда в никуда
Течёт вода, текут года.
И воды времени бегут,
Планеты среди волн плывут,
Прибиты к берегу в песке
Осколки звёзд, и яркий свет
Обратно устремляет бег,
Мчась там, где ничего уж нет.
И возвращает в прежний миг
Тебя, меня, весь этот мир.
Всё начинается опять,
Ведь время обратилось вспять...

* * *

Кто я? Эй!
Отзовись, ответь.
Для чего мне быть и куда лететь?
Я смотрю вперед, оглянусь назад,
И любой мой путь только наугад...
Я брожу во тьме, чтоб увидеть свет,
Только света нет...
Это лишь обман,
Это лишь мечта,

И она легка...

Я стремлюсь за ней,

И моя рука

Протянулась к ней,

Но она легка...

Просто облака...

И там в вышине,

Где парят орлы,

Где из гроз Господь создает миры,

Полетав-улав, вновь на грешный мир

Опуститься-лечь и писать стихи...

Опуститься-лечь как осенний лист,

Чтоб весной ожить и восславить жизнь.

Как ручьи гремят свежую водой,

Как леса шумят молодой листвою,

Как дрожит она в тишине ночной,

Как парят орлы над Святой Землёй.

Поезда

Я забываю то, что знал,
И с этим надобно смириться,
Ведь наша жизнь, как вокзал,
Мелькают поезда и лица...

И в этой пёстрой суете,
Как будто юбка у цыганки,
Все мысли будто бы не те,
Что можно знать на полустанке?

Куда-то мчатся поезда...
Как будто бы необратимо.
И в них летят мои года,
Пусть безвозвратно, но красиво.

И не пытаюсь их догнать,
Я запишу в своей тетрадке:
«Идут по плану поезда,
Без опозданий, всё в порядке».

Назидательная история о человеке

Он не мог разгадать эту жизнь,
Вот и бился, как муха в стекло,
Все ответ он пытался найти,
А его время тихо текло.

Проходили минуты, как век,
А века пролетали за час.
И секунды дрожанием век
Замирали на каждом из нас.

И в бесчисленном перечне слов
Своё имя пытался найти,
Чтоб в одном среди множества снов
Постараться реальность спасти.

Он пытался, как мог, изменить
Прошлый след, затерявшийся в мгле.
Чтобы там навсегда сохранить
То, что виделось в сказочном сне.

Но мечта лишь красивый прозрачный хрусталь,
Так чиста, но хрупка, её просто разбить.
А действительность – жёсткая грубая сталь,

Не под силу ему её было сломить.

Он искал утешение в сладостных снах,
Забывал грешный мир и парил над землёй...
Мечтал о былом, об утраченных днях...
Тяжело по утрам возвращаться домой...

Где-то грустно звучит фортепьяно...

Жизнь одна, но в ней много иллюзий.
И что было когда-то давно
Так прекрасно и неповторимо,
Было, было... да, друг мой, прошло...
Жизнь прими, и пойми, что и вправду
Всё реально лишь только на миг.
И не надо тоски и отчаяния,
Заглуши свои слёзы и крик.
Ты дрожишь над прошедшей минутой,
И, конечно, тебе дорога
Память прошлого, только не нужно
Облекать эту память в слова.
Как ни бейся, назад нет возврата,
Все минувшее стало лишь сном.
Так всегда: сперва долг, потом плата.
И всегда наступает «потом»...
Где-то грустно звучит фортепьяно...
Что добавить мне к этому? Сказано всё...
Мы все движемся в плотном тумане,
В коем все остается лишь сном...

Время

К чему лететь куда-то вдаль,
К чему писать, что жизни жаль,
К чему вообще весь белый свет,
Если назад возврата нет...
И прошлых дней ушедший звон
Звучит, звучит со всех сторон.
Я тихо слышу: «Обернись...»
И заклинаю их: «Вернись!»
Но дни бессвязной чередой
Стремглав проносятся пред мной.
Как задержать, как повернуть,
Как обуздать и обмануть
Бег непонятный и простой,
Нам уготованный судьбой,
В прекрасной жизни и пустой
Тебе и мне, для нас с тобой...

2011 г.

Цикл стихотворений «Памяти Омара Хайяма»

* * *

О, мудрый дервиш! Ты был прав!
Я – крестоносец – понял это.
От битв и странствий так устав,
Я понял смысл твоих заветов.
Подруга рядом и вино,
И больше ничего не надо...
Одно на свете нам дано
Лекарство от любого яда.
Пока ты жив, прекрасен свет,
Не будешь жив, и света нет.
Грустить об этом нету мочи.
Так веселись, пока твои открыты очи.

* * *

Не верь в конечность бытия,
Хотя она необратима,
Всё в этом мире, ты и я,
Должно существовать красиво.
Не верь в конечность бытия,

Не омрачай ей краски полдня,
Лови мгновенья, жизнь любя
И про конец её не помня!

* * *

А что в жизни важно? – спросил я себя.
Прожить каждый день, хоть кого-то любя...

2012 г.

Цикл стихотворений «Преданная победа»

Битва за Галицию

Героям Второй Отечественной. В честь столетия с начала Первой мировой войны (1914—2014)

Раз-два! Окопы.
Трещат пулеметы.
Раз-два! Траншея.
Саблей по шее.

Раз-два! Пехота.
Двигается рота.
Раз-два! В атаку!
На немцев без страху.

Раз-два! По хлебу
Прямо на небо.
Раз-два! Колосья
Косят из Мосина.

Режут штыками рожь и пшеницу.
Сложат снопами солдат вереницу.

Страшная жатва. Пылает восход.
Твёрже шагай, православный народ!

Режут штыками рожь и пшеницу.
Дружно за Веру, Царя и столицу!

Страшная жатва. Пылает восход.
Так начинался Великий Поход.

На Карпатах

Вот Карпаты показались впереди громадой гор.
И солдаты завязали меж собою разговор,
Как когда-то на Балканах в семьдесят седьмом году
Били русы басурманов в поле в штыковом бою.

Заблестели вдали каски и австрийские штыки,
И взмахнул поручик шашкой, и вперёд пошли полки.
Только немец был упорен – завязался жаркий бой.
И упал на снег поручик с прострелённой головой.

Но пошла ломить лавина русских штыковых цепей,
И «Ура!» раздалось громко над Карпатиею всей.
И бежали прочь австрийцы, бросив раненых одних.
Жаль, и русские забудут про прапрадедов своих.

Брусиловский прорыв

Вот оно! Грянула русская буря —
Вихри из стали штыков и огня.
Кайзер в Берлине, брови нахмуря,
Смотрит на карту, всё в мире кляня.

А там, поднявшись, идут из окопов,
Вставшие, словно на Страшном Суде.
Двигутся плотно ряды русской пехоты
Маршем по глине, огню и воде.

Русский орёл, гордо крылья расправив,
Взмыл над Галицией, славно паря.
Русские, помните, как умирали
Предки за Веру, за Русь, за Царя!

Босфор-Стамбул

Босфор-Босфор – синяя лента,
Босфор-Босфор – в петлицу вдет³.
Босфор-Босфор ждет русского флага.
Босфор-Стамбул – назад ни шагу!

Царьград-Стамбул – звезда Востока!
Стамбул-Стамбул – по воле рока,
Босфор-Босфор опять в тумане.
Босфор-Стамбул – только на плане...

³ Имеется в виду лента ордена Святого Андрея Первозванного, как символ триумфа и как высшая государственная награда, которая, возможно, была бы вручена за взятие Константинополя.

Брестское предательство

Смолкли отзвуки набата
Про Великую Войну.
В ней народ от супостата
Защищал свою страну.

И шли русские бригады
На Берлин и на Багдад,
Где с Победой состоялся
Триумфальный бы парад.

И за выход в Чёрном море
Бился доблестный Колчак.
И уж вскоре на проливах
Развевался б русский флаг.

Только немец был упорен.
Немец думал головой.
И нашёл, мерзавец, средство,
Чтобы план дал этот сбой.

Революция свершилась.
Начался кровавый пир.
И тогда обманщик Ленин

Заклучил с германцем мир.

2014 г.

Цикл стихотворений «Кровавый Октябрь»

Внезапно

Памяти безымянного солдата-деникинца, его страны и любви

Никто не ждал того в Октябре,
Всё вышло страшно и так внезапно.
Красная кровь пролилась по земле,
Зачем это всё, было непонятно.

Вспыхнуло пламя над нашей землёй.
А они всё молились и ждали Мессию.
Боже, прошу, оставайся со мной,
Боже, прости и спаси Россию!

Я уходил воевать за Царя,
А вернулся в царство Иуды.
Где порушили всё, ничего не ценя,
Оставляя обломков лишь груды.

Дом, где она возвращенья ждала
Моего, на чугунном балконе,
Взорван был, и уцелела ль она,
И спаслась ли в последнем вагоне?

Красная тьма застилает глаза,
Капает кровь из пробитой раны.
Мчатся на Юг бронепоезда,
Значит, туда лежит путь мой правый.

Первосвященник свершил свою месть,
Темным богам отдана Россия.
Будут расстрелы и нечего есть,
А народ мой их будет считать святыми.

Что же на Юге, быть может, ты здесь?
Только чувствую я, что надежда тщетна.
Где же ты, милая, где же ты есть?
Армии наши ломают как щепки.

Я отправляюсь в Стамбул за тобой,
И, вдруг найдя, обнимаю до стона...
Но прости, дорогая – это лишь сон,
Я убит был на берегу Дона.

Белогвардейский романс

Памяти первоходников

Снег окутал поля, скрыв убитых под жёлтыми травами.
Бродят кони, оставшись одни в вечеревшей степи.
Здесь дороги сошлись и кривые, и правые.
И сказать здесь пришлось нам России: «Прости».

Комиссарские пули летели да по небу,
Словно Бога хотели они застрелить, а не нас.
И на миг показалось нам – правильно поняли,
Ведь Господь наш Россию от смерти не спас.

Полыхает Отечество, в пламени кружится вьюга.
Вместо снега из туч к земле красные искры летят.
На гражданской войне нет ни веры, ни брата, ни друга,
Весь наш мир оказался пожаром объят.

Ну, так что же, и я выну шашку да наголо,
И вперёд устремляясь, дам шпор я коню.
Перекрасить Россию, чтоб снова да набело,
И чтоб русскую тризну воздать по царю.

И бежать от врага не умел я и ранее,
Отступить не желал я, теряя престиж.
В этом истина, рок и, возможно, призвание.
И не я, а другие уедут в Париж.

Солдат Колчаковской Сибири

Памяти участников Великого Сибирского Ледяного Похода и лично – В.О. Каппеля, искреннего монархиста и русского патриота

Степь заметали ветры снегом,
Теснили красные войска.
И мчали кони быстрым бегом,
Мелькали пули у виска.

Был Бог, был Царь, была Россия,
Но не осталось ничего.
Забудут вскоре моё имя,
Меня забудут самого.

Солдат Колчаковской Сибири,
Сражаясь за Святую Русь,
Свою судьбу я дал России,
Ступив на этот горький путь.

Пред мной мгновение блеснула
Дорога к славе и любви.
Но кавалерия тонула,

Как в море, в собственной крови.

И, ни на что уж не надеясь,

Я знаю: всё предрешено.

Ах, Боже, знать бы, что осталось.

Вот всё желание одно.

И от Камчатки до Урала

Креста достоин на горе.

Но видимо, как Адмирала,

Меня утопят в Ангаре.

Возвращение Империи

Памяти А.В. Колчака, выдающегося полярного исследователя, великого флотоводца и защитника Исторической России

Когда всё случилось, я был далеко,
Не слышал ударов набата.
И то осознать было мне нелегко,
Зачем же пошёл брат на брата?

Я был за Отчизну, я был за Царя,
Враги мои карты смешали.
Но твёрд я остался, присягу храня,
Как в том бы они ни мешали.

Кровавый Октябрь и Подлый Февраль
Убили мою Россию.
Мне жалко Царя, а врагов мне не жаль.
И с ними я буду сражаться отныне.

Покончат со мной, разбредутся войска.
Но годы пройдут, и воспрянет Россия.
Проснётся опять после долгого сна,

И вспомнят тогда моё имя.

Лампадка

Сестрам милосердия Гражданской войны, по какую бы сторону фронта они ни были

Я ранен навывлет, я скоро умру,
И ветер споёт панихиду.
В холодной степи я останусь к утру
Лежать без креста и могилы.

В жестоком бою подо мной пал мой конь.
Ползу я по свежему снегу.
И змейкой кровавой след вьётся за мной
К последнему в жизни ночлегу.

На землю с небес легла тёмная мгла,
Свет звёзды давать перестали.
Одна лишь кроваво сияет звезда
Над лезвием мертвенной стали.

И смерть, взяв обличье бойца РККА,
Шагает по полю навстречу.
И капает кровь, и сжимает рука
Уже бесполезный винчестер.

Но чудо свершилось – последний патрон
Нашёлся в кармане шинели.
Навёл я прицел, видя жизнь, словно сон,
На контур шагающей тени.

Не жму на курок я и медлю стрелять.
И странные вертятся мысли.
Он тоже ведь русский, да только дурак.
К чему дурака убивать мне?

И бросив винтовку, лежу на снегу,
Жду пули прощённого мною.
Уж он не захочет в таком быть долгу
И быстро покончит со мною.

Но чудо второе явил мне Господь,
И женский раздался вдруг голос.
Глаза приоткрыв, я увидел Её,
В сугробах стоящей по пояс.

«Вы живы, дружок? – прошептала она. —
Как много на поле убитых,
И белых и красных...» – «Как вы здесь одна?
Откуда среди мёртвых забытых?!»

– «Не тратьте слова, вам ведь трудно дышать...

На руку мою обопритесь.

Я гибели вашей смогу помешать,

Коль вы мне, мой друг, подчинитесь.

Идите за мною, здесь близко идти.

Там кров, окажу вам там помощь.

И вас, милый друг мой, сумею спасти.

Для вас не пришла ещё полночь».

Я тихо сказал ей: «Я ждал уж конца,

Но милость Господня всесильна.

В ночной темноте я не видел лица,

Вас принял за красноармейца...

Остался патрон, я хотел уж стрелять».

– «Что ж вам помешало, поручик?»

– «Подумал, раз мне всё равно умирать,

Зачем мне на небо попутчик...

Господь милосердые всегда наградит,

И вот вместо ангела смерти

На землю с небес в этот ад Бог послал

Ко мне Вас – сестру милосердия...»

С земли помогла мне подняться она.

И я, на неё опираясь,
Не мог не заметить, как чудно нежна
Посланница светлого рая.

И так мы по снегу во мраке брели
И вскоре пришли к деревушке.
У края посёлка, немного вдали,
Светилось оконце в избушке.

Мой ангел-хранитель подвёл меня к ней
И, дверь отворив, завел внутрь.
Здесь холодно было, но всё же теплей,
Чем в поле широком ждать утра.

Лампадка Николе горела в углу.
Я тотчас на лавку свалился,
Неловко на горле шинель расстегнул
И в то же мгновенье забылся.

Когда я очнулся, опять была ночь,
Всё так же лампадка горела.
Любое движение было невмочь,
Но рана уже не болела.

Она тихо рядом сидела со мной,
Укутав меня в одеяло.

Её силуэт освещён был луной,
Она не спала, хоть устала.

Лампадка неярко горела в углу,
Слегка потолок озаряя.
Я вскоре опять стал клониться ко сну,
Невольно сознание теряя.

Не знаю я, сколько прошло таких дней,
Но, волей Господней, остаться
Сумел я в живых и благодаря ей
Стал день ото дня поправляться.

И вскоре подняться я смог и уйти
Опять воевать за Россию.
Так наши навек разминутись пути.
В итоге я свой путь осилил.

А что было с ней, я не знаю, увы.
Село то сожгли комиссары...
И правды той мрачной и страшной поры
Теперь уж никто не узнает.

Я так и не понял, с какой стороны,
Какого полка или части,
Сестра милосердия Гражданской войны

Ко мне проявила участие.

И годы спустя о минувших тех днях

Проносится воспоминанье.

Я помню её, помню голос и взгляд

И тот поцелуй на прощанье.

Теперь это все от меня далеко.

И все же порою украдкой

Смахну я слезу – вспоминать нелегко

Ночей, озарённых лампадкой.

Крестоносцы распятой России

Памяти генерала М.Г. Дроздовского – лучшего из монархистов – и его полка

Россия встала на дыбы
В дни горьких смут и лихолетья.
И сеяли в полях гробы,
Уж не надеясь на бессмертье.

Полки шли на полки в штыки.
Цена крови была в копейках.
И сухо щёлкали курки
На беспощадных трёхлинейках.

Так разразилась катастрофа,
Всё с нами похронив втуне.
Моя страна – моя Голгофа.
Россия, помни обо мне...

Мы из Румынии походом
С фронтов Великой той войны
Зашли как будто мимоходом
На проводы своей страны.

Враги нас здесь совсем не ждали,
Встречая сталью и огнём.
И мы их видеть не желали
В живых в Отечестве своём.

И генерал Дроздовский смело
Нас вёл к победе за страну.
Звало вперёд святое дело
Стереть кровавую ту тьму.

В сраженьях страха мы не знали
И продвигались с каждым днём.
И воскресая, умирали
Под пулемётным мы огнём.

Колчак, Дроздовский и Кутепов
Для нас – святые имена.
Порыв их душ, умов и нервов
Ты позабыла зря, страна.

Так генерал Дроздовский гордо
Погиб под Городом Креста.
В страны спасенье верил твёрдо
Он вплоть до самого конца.

Но как бы ни были прекрасны и благи цели, мы тогда,
К несчастью, битву проиграли. Прощай, Родные Берега!
Судьба нас бросила в изгнание, но верим мы, пройдут го-
да,

И под трёхцветным русским флагом опять вернёмся мы
сюда.

2014 г.

Фауст

Вечер. За столом в пошлом ресторанчике сидит пьяный человек с воспалёнными глазами. К нему подсаживается некто в чёрном пальто.

Незнакомец в чёрном пальто

Какой паноптикум мерзейших тварей...

Вглядись получше, Фауст, в эти лица.

О, род людской, проклятая темница

Для всякого, кто ищет света,

Чей дух исполнен жаждою добра!

Я – тьма, мне можно молвить это:

Какая мерзкая игра!

Знай, Фауст, в мире нет ответов.

Ни для тебя, ни для меня.

Да, это я. Ты не ошибся.

Ты ждал меня, и я пришёл.

По свету долго ты кружился,

Но что хотелось, не нашёл.

И вот ты здесь, и я здесь тоже...

Фауст

На что же это все похоже?

Какой-то бред, тяжёлый сон...

Незнакомец в чёрном пальто

Да, только сон. Со всех сторон.
Ведь это только заблужденье.
И все на свете под сомнением.
Но не для этого в сей час
Судьба свела с тобою нас.
Подумай, Фауст, мы похожи.
Ты что-то ищешь, и я тоже,
Ты гениален, как и я,
Но всё ж отличен от меня.
Тобой играет этот мир,
А я, мой друг, играю им...
Что ты хотел иметь бы, Фауст?
Я помогу осуществить...

Фауст

Ты знаешь, бес, такую малость,
Наверно, я хочу любить...
Но твоей помощи не надо,
Я не нуждаюсь в силах ада.
Прошу, сейчас оставь меня,
Хочу побыть один здесь я.
И ты мне в этом не мешай.

Незнакомец в чёрном пальто

Дай мне сказать, потом решай.
Представь, все блага сего мира,
Как яства сладостного пира,
На блюде я тебе подам.

Богатство, слава, сила, власть,
Всё то, что только может пасть,
Всё упадет к твоим ногам!..
Любовь всех женщин, месть врагам...
Представь все блага сего мира!..
Так ничтожно и легко
Всё, что казалось недоступно,
Всё, что казалось высоко,
Чего не мог ты дотянуться,
Я брошу россыпью тебе,
Как жемчуга иль самоцветы...
Я предлагаю, Фауст, всё.
Я дам и смысл, и ответы,
И, может, даже забытьё...
Я дам иллюзию свободы.
Но, право, как она сладка!
И ты, мой друг, получишь всходы,
Каких не чаял никогда...

Фауст

Зачем ты тратишь свои речи?
Прошу, не порть мне этот вечер.
Уйди и не мешай мне пить,
Один здесь я хочу побыть.

Незнакомец в чёрном пальто

Ну вот, дурак, и ты туда же!
Тебе я повторяю дважды:

Я помогу тебе исполнить
Твои желания, пойми –
Пустой сосуд надо наполнить.
Свой голод, Фауст, утоли.

Фауст

А что ты можешь?

Незнакомец в чёрном пальто

Могу – всё.

Скажи лишь мне, о чем мечтаешь.

И в тот же миг получишь ты

Всё, что так пламенно желаешь.

Ты хочешь славы иль любви,

Жить широко под звон монеты?

Иль, может, властвовать людьми?

Могу тебе устроить это.

Представь: тебя поставлю я

Так запросто на пьедестал почёта.

Не бойся блеска и огня,

Почувствуй прелесть от полёта!

Ты станешь вдруг кумиром масс —

Всех стран, наречий, наций, рас.

В умы людей и в их сердца

Я мысль внушу, что ты великий.

И будут славить без конца

Тебя, о Фауст Солнцеликий!

Любой престол любой страны

Отдам тебе, коль ты захочешь.
Стань богом мира и войны,
Тебе, король, и власть и почесть.
Я предлагаю тебе трон
Любой империи на свете.
Пусть будет хаос иль закон,
Твои решенья будут эти.
Иль хочешь сказочный дворец?
Обслугу, жизнь в блаженной лени,
Набитый золотом ларец,
Все дни в чарующем безделье?...
Я дам богатство и почёт,
Избавлю от нужды трудиться,
Деньгам не будешь знать ты счёт...
Ну, как к такому не стремиться?

Фауст

Постой! Ты говоришь не то!
Мне ничего не нужно это!
Ты тьма и тянешь в тьму меня,
Моя душа же жаждет света!
Незнакомец в чёрном пальто
Какого света? Ты глупец!
Подумай сам и взвесь как можешь:
Всему на свете есть конец,
На что ты жизнь свою положишь?
Я предлагаю деньги, власть,

Безделие, почёт и славу.
Реализуй любую страсть,
Которая тебе по нраву.

Фауст

Но я не к этому стремлюсь.
Меня ты, видимо, не понял.
Над сказкою твоей смеюсь,
Пусть даже б ты её исполнил.
Хочу я дело обрести,
Чтоб смыслом жизнь свою наполнить.
В труде и творчестве вести
Все дни и свой талант исполнить.
Хочу полезен людям быть
И делать то, что сам решаю.
В работе радость находить
И знать, что что-то создаю.
Я создавать хочу, пойми.
А то, что ты мне предлагаешь,
Я отвергаю, извини.
В чём я нуждаюсь, ты не знаешь.

...Незнакомец в чёрном пальто и Фауст ещё какое-то время спорили. Он предлагал ему власть, почет, богатство и праздную жизнь, но молодой человек отказывался, говоря, что хочет лишь реализовать себя, стремится найти применение своему таланту, мечтает о творчестве и труде, которые

бы приносили радость ему и пользу людям.

...В запальчивости Незнакомец в чёрном пальто опрокинул бокал с вином. На белой скатерти проступили красные пятна. Взглянув на них и на мгновение задумавшись, он переменил тему.

Незнакомец в чёрном пальто

Ну ладно, ладно – хорошо...

Давай пока оставим это.

Есть предложение ещё,

Подумай прежде над ответом.

У всех на свете есть враги,

И у тебя, конечно, тоже.

Ты хочешь возвратить долги

Или взыскать своё? Ну что же...

Кто те, кому желаешь зла,

Иль те, кто зла тебе желает?

Чья пред тобою есть вина,

Кто твою жизнь омрачает?

Я помогу им отомстить,

Скажи одно мне только слово.

Реши, как зло им возвратить,

И тотчас всё будет готово.

Любую казнь, любую месть,

Какую б только ты придумал,

Врагам своим чтоб преподнести,

Я воплощу в реальность, друг мой.

Фауст

И вновь не понял ты меня.

Зло умножать я не желаю.

Мстить никому не стану я,

Не так я счастье представляю.

Предать своих врагов мечу

Иль прочим бедствиям негоже.

Я всех прощаю и хочу,

Чтоб все меня простили тоже.

...Теперь Незнакомец в чёрном пальто предлагал Фаусту мечь. Он убеждал его расправиться с врагами, устранить конкурентов и свести счеты с обидчиками, был готов способствовать любому мщению, какое только могла породить фантазия Фауста. Все беды и всё зло мира предлагал он обрушить на его недругов. Но молодой человек отказывался мстить, говоря: «Я всех прощаю, и пусть все простят меня».

...Незнакомец в чёрном пальто замолчал. Затем, мельком взглянув на танцовщиц, продолжил.

Незнакомец в чёрном пальто

Ну что ж, раз так, давай иначе.

Твоих врагов тебя не привлекает кровь,

Ни слава, ни богатство, ни удача...

Тогда, быть может, что любовь?

Ах, да, ведь ты с того и начал.
А я не внял твоим словам.
Предмет ты сразу обозначил,
Давай искать решение там.
На свете множество девиц,
Что так прелестны и красивы.
Взгляни на этих танцовщиц —
В них столько страсти и порыва!
Я дам тебе всех женщин мира,
Ну что, каков же твой ответ?
Ты согласишься, Фауст?

Фауст

Нет.

Незнакомец в чёрном пальто

Ты же хотел любить!

Фауст

Конечно. Я слов обратно не беру.
Хочу любить своё призванье
И жизнь, которую веду.
Любить весь мир, людей, работу
И ту единственную, что
Дарила б ласку и заботу,
Вот всё желание мое.

... Фауст ещё долго говорил удивлённому Незнакомцу про свои мечты и рассказывал, как он представляет счастье.

Незнакомец в чёрном пальто предлагал Власть, Богатство, Праздность и Славу, но Фауст хотел найти своё Призвание и жаждал Творчества. Он предлагал ему месть, но Фауст хотел Простить и быть Прощённым. Он предлагал Разврат, но Фауст мечтал об искренней и чистой Любви. Всем женщинам мира он предпочитал одну единственную, которая была бы предназначена для него.

И потрясённый Люцифер
Дивясь на Фауста смотрел.
«Какая чистая душа, —
Проговорил он не спеша. —
Я поражён твоим словам, —
Сказал он, – то о чём мечтаешь
Ты, так невинно и светло...
Ты веришь искренне в любовь,
Ты равнодушен к почестям и злату.
Знай, Фауст, я исполню всё
И твою душу не возьму в уплату».

И он исчез, бесшумно и бесследно
Вернувшись вновь к игре теней.
А Фауст за столом остался
И молча допивал портвейн.

2012 г.